PG3452
.R3
1908

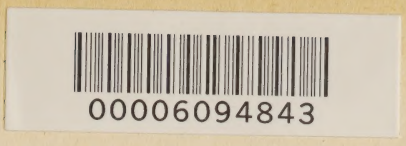
LSC
UNC-CH

RAZSKAZ O SEMI POVIESHENNYKH

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3452
.R3
1908


00006094843

Леонидъ Андреевъ

Разсказъ о семи повѣшенныхъ

Изд. Шиповникъ СПБ.
1908.

BIBLIOTHÈQUE DU GROUPEMENT DES
LOGES RUSSES R.·. E.·. A.·. A.·.
à l'O.·. de Paris
415

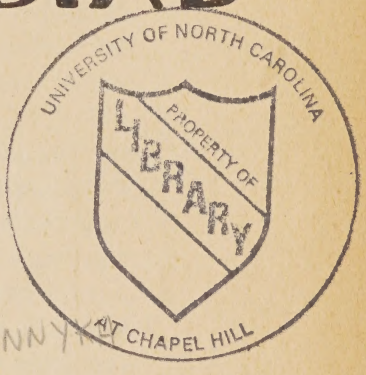
Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/razskazosemipovi00andr

Леонидъ Андреевъ

PG3452
.R3
.1908

Разсказъ о семи повѣшенныхъ



RAZSKAZ O SEMI POVIESHENNYKH

Изд. Шиповникъ СПБ.
1908.

ПЕРЕВОДЪ РАЗРѢШАЕТСЯ.

I. Въ часъ дня, ваше превосходительство.

Такъ какъ министръ былъ человѣкъ очень тучный, склонный къ апоплексіи, то со всякими предосторожностями, избѣгая вызвать опасное волненіе, его предупредили, что на него готовится очень серьезное покушеніе. Видя, что министръ встрѣтилъ извѣстіе спокойно и даже съ улыбкой, сообщили и подробности: покушеніе должно состояться на слѣдующій день, утромъ, когда онъ выѣдетъ съ докладомъ; нѣсколько человѣкъ террористовъ, уже выданныхъ провокаторомъ и теперь находящихся подъ неусыпнымъ наблюденіемъ сыщиковъ, должны съ бомбами и револьверами собраться въ часъ дня у подъѣзда и ждать его выхода. Здѣсь ихъ и схватятъ.

— Постойте, — удивился министръ:—откуда же они знаютъ, что я поѣду въ часъ дня, съ докладомъ, когда я самъ узналъ объ этомъ только третьяго дня?

Начальникъ охраны неопредѣленно развелъ руками:

— Именно въ часъ дня, ваше превосходительство.

Не то удивляясь, не то одобряя дѣйствія полиціи, которая устроила все такъ хорошо, министръ покачалъ головою и хмуро улыбнулся толстыми, темными губами; и съ тою же улыбкой, покорно, не желая и въ дальнѣйшемъ мѣшать полиціи, быстро собрался и уѣхалъ ночевать въ чей-то чужой гостепріимный дворецъ. Также увезены были изъ опаснаго дома, около котораго соберутся завтра бомбометатели, его жена и двое дѣтей.

Пока горѣли огни въ чужомъ дворцѣ и привѣтливыя, знакомыя лица кланялись, улыбались и негодо-

вали, сановникъ испытывалъ чувство пріятной возбужденности — какъ будто ему уже дали, или сейчасъ дадутъ большую и неожиданную награду. Но люди разъѣхались, огни погасили, и сквозь зеркальныя стекла на потолокъ и стѣны легъ кружевной и призрачный свѣтъ электрическихъ фонарей; посторонній дому, съ его картинами, статуями и тишиной, входившій съ улицы, самъ тихій и неопредѣленный, онъ будилъ тревожную мысль о тщетѣ запоровъ, охраны и стѣнъ. И тогда ночью, въ тишинѣ и одиночествѣ чужой спальни, сановнику стало невыносимо страшно.

У него было что-то съ почками, и при каждомъ сильномъ волненіи наливались водою и опухали его лицо, ноги и руки, и отъ этого онъ становился какъ будто еще крупнѣе, еще толще и массивнѣе. И теперь, горою вздутаго мяса возвышаясь надъ придавленными пружинами кровати, онъ съ тоскою больного человѣка чувствовалъ свое опухшее, словно чужое лицо, и неотвязно думалъ о той жестокой судьбѣ, какую готовили ему люди. Онъ вспомнилъ, одинъ за другимъ, всѣ недавніе ужасные случаи, когда въ людей его сановнаго и даже еще болѣе высокаго положенія бросали бомбы, и бомбы рвали на клочки тѣло, разбрызгивали мозгъ по грязнымъ кирпичнымъ стѣнамъ, вышибали зубы изъ гнѣздъ. И отъ этихъ воспоминаній собственное тучное больное тѣло, раскинувшееся на кровати, казалось уже чужимъ, уже испытывающимъ огненную силу взрыва; и чудилось, будто руки въ плечѣ отдѣляются отъ туловища, зубы выпадаютъ, мозгъ раздѣляется на частицы, ноги нѣмѣютъ и лежатъ покорно, пальцами вверхъ, какъ у покойника. Онъ усиленно шевелился, дышалъ громко, кашлялъ, чтобы ничѣмъ не походить на покойника, окружалъ себя живымъ шумомъ звенящихъ пружинъ, шелестящаго одѣяла; и чтобы показать, что онъ совершенно живъ, ни капельки не умеръ и далекъ отъ смерти, какъ всякій другой человѣкъ, — громко и отрывисто басилъ въ тишинѣ и одиночествѣ спальни:

— Молодцы! Молодцы! Молодцы!

Это онъ хвалилъ сыщиковъ, полицію и солдатъ, всѣхъ тѣхъ, кто охраняетъ его жизнь и такъ своевременно, такъ ловко предупредили убійство. Но шевелясь, но хваля, но усмѣхаясь насильственной кривой улыбкой, чтобы выразить свою насмѣшку надъ глупыми террористами неудачниками, — онъ все еще не вѣрилъ въ свое спасеніе, въ то, что жизнь вдругъ, сразу, не уйдетъ отъ него. Смерть, которую замыслили для него люди и которая была только въ ихъ мысляхъ, въ ихъ намѣреніяхъ, какъ будто уже стояла тутъ, и будетъ стоять, и не уйдетъ, пока тѣхъ не схватятъ, не отнимутъ у нихъ бомбъ и не посадятъ ихъ въ крѣпкую тюрьму. Вонъ въ томъ углу она стоитъ, и не уходитъ—не можетъ уйти, какъ послушный солдатъ, чьей-то волею и приказомъ поставленный на караулъ

— Въ часъ дня, ваше превосходительство! — звучала сказанная фраза, переливалась на всѣ голоса: то весело насмѣшливая, то сердитая, то упрямая и тупая. Словно поставили въ спальню сотню заведенныхъ граммофоновъ и всѣ они, одинъ за другимъ, съ идіотской старательностью машины выкрикивали приказанныя имъ слова:

— Въ часъ дня, ваше превосходительство.

И этотъ завтрашній «часъ дня», который еще такъ недавно ничѣмъ не отличался отъ другихъ, былъ только спокойнымъ движеніемъ стрѣлки по циферблату золотыхъ часовъ, вдругъ пріобрѣлъ зловѣщую убѣдительность, выскочилъ изъ циферблата, сталъ жить отдѣльно, вытянулся, какъ огромный черный столбъ, всю жизнь разрѣзающій на двое. Какъ будто ни до него, ни послѣ него не существовало никакихъ другихъ часовъ, а онъ только одинъ, наглый и самомнительный, имѣлъ право на какое-то особенное существованіе.

— Ну? Чего тебѣ надо? — сквозь зубы, сердито спросилъ министръ.

Орали граммофоны:

— Въ часъ дня, ваше превосходительство!— и черный столбъ ухмылялся и кланялся. Скрипнувъ зубами, министръ приподнялся на постели и сѣлъ, опершись лицомъ на ладони — положительно онъ не могъ заснуть въ эту отвратительную ночь.

И съ ужасающей яркостью, зажимая лицо пухлыми, надушенными ладонями, онъ представилъ себѣ, какъ завтра утромъ онъ всталъ бы, ничего не зная, потомъ пилъ бы кофе, ничего не зная, потомъ одѣвался бы въ прихожей. И ни онъ, ни швейцаръ, подававшій шубу, ни лакей, приносившій кофе, не знали бы, что совершенно безсмысленно пить кофе, одѣвать шубу, когда черезъ нѣсколько мгновеній все это: и шуба, и его тѣло, и кофе, которое въ немъ, будетъ уничтожено взрывомъ, взято смертью. Вотъ швейцаръ открываетъ стеклянную дверь... И это онъ, милый, добрый, ласковый швейцаръ, у котораго голубые, солдатскіе глаза и ордена во всю грудь, самъ своими руками открываетъ страшную дверь — открываетъ, потому что не знаетъ ничего. Всѣ улыбаются, потому что ничего не знаютъ.

— Ого! — вдругъ громко сказалъ онъ и медленно отвелъ отъ лица ладони. И глядя въ темноту, далеко передъ собою, остановившимся, напряженнымъ взглядомъ, также медленно протянулъ руку, нащупалъ рожокъ и зажекъ свѣтъ. Потомъ всталъ и, не надѣвая туфель, босыми ногами по ковру, обошелъ чужую незнакомую спальню, нашелъ еще рожокъ отъ стѣнной лампы и зажекъ. Стало свѣтло и пріятно, и только взбудораженная постель со свалившимся на полъ одѣяломъ говорила о какомъ-то не совсѣмъ еще прошедшемъ ужасѣ.

Въ ночномъ бѣльѣ, съ взлохматившейся отъ безпокойныхъ движеній бородою, съ сердитыми глазами, сановникъ былъ похожъ на всякаго другого сердитаго старика, у котораго безсонница и тяжелая отдышка. Точно оголила его смерть, которую готовили для него люди, оторвала отъ пышности и внушительно вели-

колѣпія, которыя его окружали — и трудно было повѣрить, что это у него такъ много власти, что это его тѣло, такое обыкновенное, простое человѣческое тѣло, должно было погибнуть страшно въ огнѣ и грохотѣ чудовищнаго взрыва. Не одѣваясь и не чувствуя холода, онъ сѣлъ въ первое попавшееся кресло, подперъ рукою взлохмаченную бороду и сосредоточенно, въ глубокой и спокойной задумчивости, уставился глазами въ лѣпной незнакомый потолокъ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Такъ вотъ почему онъ такъ струсилъ и такъ взволновался! Такъ вотъ почему она стоитъ въ углу и не уходитъ, и не можетъ уйти!

— Дураки! — сказалъ онъ презрительно и вѣско.

— Дураки! — повторилъ онъ громче и слегка повернулъ голову къ двери, чтобы слышали тѣ, къ кому это относится. А относилось это къ тѣмъ, кого недавно онъ назвалъ молодцами и кто въ излишкѣ усердія подробно разсказалъ ему о готовящемся покушеніи.

— Ну, конечно, — думалъ онъ глубоко, внезапно окрѣпшею и плавною мыслью,—вѣдь это теперь, когда мнѣ разсказали, я знаю и мнѣ страшно, а вѣдь тогда бы я ничего не зналъ, и спокойно пилъ бы кофе. Ну а потомъ, конечно, эта смерть — но развѣ я такъ боюсь смерти? Вотъ у меня болятъ почки, и умру же я когда-нибудь, а мнѣ не страшно, потому что ничего не знаю. А эти дураки сказали: въ часъ дня, ваше превосходительство. И думали, дураки, что я буду радоваться, а вмѣсто того она стала въ углу и не уходитъ. Не уходитъ, потому что это моя мысль. И не смерть страшна, а знаніе ея; и было бы совсѣмъ невозможно жить, если бы человѣкъ могъ вполнѣ точно и опредѣленно знать день и часъ, когда умретъ. А эти дураки предупреждаютъ: въ часъ дня, ваше превосходительство!

Стало такъ легко и пріятно, словно кто-то сказалъ ему, что онъ совсѣмъ безсмертенъ и не умретъ никогда. И снова чувствуя себя сильнымъ и умнымъ среди этого стада дураковъ, что такъ безсмысленно и

нагло врываются въ тайну грядущаго, онъ задумался о блаженствѣ невѣдѣнія тяжелыми мыслями стараго, больного, много испытавшаго человѣка. Ничему живому, ни человѣку, ни звѣрю, не дано знать дня и часа своей смерти. Вотъ онъ былъ боленъ недавно, и врачи сказали ему, что умретъ, что нужно сдѣлать послѣднія распоряженія, — а онъ не повѣрилъ имъ и дѣйствительно остался живъ. А въ молодости было такъ: запутался онъ въ жизни и рѣшилъ покончить съ собой, и револьверъ приготовилъ, и письма написалъ, и даже часъ для самоубійства назначилъ,— а передъ самымъ концомъ вдругъ передумалъ. И всегда, въ самое послѣднее мгновеніе можетъ что-нибудь измѣниться, можетъ явиться неожиданная случайность, и оттого никто не можетъ сказать, когда онъ умретъ.

«Въ часъ дня, ваше превосходительство»—сказали ему эти любезные ослы и хотя сказали только потому, что смерть предотвращена, одно уже знаніе ея возможнаго часа наполнило его ужасомъ. Вполнѣ допустимо, что когда-нибудь его и убьютъ, но завтра этого не будетъ — завтра этого не будетъ — и онъ можетъ спать спокойно, какъ безсмертный. Дураки, они не знали, какой великій законъ они свернули съ мѣста, какую дыру открыли, когда сказали съ этой своею идіотской любезностью: «въ часъ дня, ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не въ часъ дня, ваше превосходительство, а неизвѣстно когда. Неизвѣстно, когда. Что?

— Ничего. — отвѣтила тишина. — Ничего.

— Нѣтъ, ты говоришь что-то.

— Ничего, пустяки. Я говорю: завтра, въ часъ дня.

И съ внезапной, острой тоскою въ сердцѣ онъ понялъ, что не будетъ ему ни сна, ни покоя, ни радости, пока не пройдетъ этотъ проклятый, черный, выхваченный изъ циферблата часъ. Только тѣнь знанія о томъ, о чемъ не должно знать ни одно живое существо, стояла тамъ въ углу, и ея было достаточно,

чтобы затмить свѣтъ и нагнать на человѣка непроглядную тьму ужаса. Потревоженный однажды страхъ смерти расплывался по тѣлу, внѣдрялся въ кости, тянулъ блѣдную голову изъ каждой поры тѣла.

Уже не завтрашнихъ убійцъ боялся онъ — они исчезли, забылись, смѣшались съ толпою враждебныхъ лицъ и явленій, окружающихъ его человѣческую жизнь, а чего-то внезапнаго и неизбѣжнаго: апоплексическаго удара, разрыва сердца, какой-то тоненькой глупой аорты, которая вдругъ не выдержитъ напора крови и лопнетъ, какъ туго натянутая перчатка на пухлыхъ пальцахъ.

И страшною казалась короткая, толстая шея и невыносимо было смотрѣть на заплывшіе короткіе пальцы, чувствовать, какъ они коротки, какъ они полны смертельною влагой. И если раньше, въ темнотѣ, онъ долженъ былъ шевелиться, чтобы не походить на мертвеца, то теперь, въ этомъ яркомъ, холодно враждебномъ, страшномъ свѣтѣ, казалось ужаснымъ, невозможнымъ пошевелиться, чтобы достать папиросу—позвонить кого-нибудь. Нервы напрягались. И каждый нервъ казался похожимъ на вздыбившуюся выгнутую проволоку, на вершинѣ которой маленькая головка съ безумно вытаращенными отъ ужаса глазами, судорожно разинутымъ, задохнувшимся, безмолвнымъ ртомъ. Нечѣмъ дышать.

И вдругъ въ темнотѣ, среди пыли и паутины, гдѣ-то подъ потолкомъ ожилъ электрическій звонокъ. Маленькій, металлическій язычекъ судорожно, въ ужасѣ, бился о край звенящей чашки, замолкалъ—и снова трепеталъ въ непрерывномъ ужасѣ и звонѣ. Это звонилъ изъ своей комнаты его превосходительство.

Забѣгали люди. Тамъ и здѣсь, въ люстрахъ и по стѣнѣ, вспыхнули отдѣльныя лампочки, — ихъ мало было для свѣта, но достаточно для того, чтобы появились тѣни. Всюду появились онѣ: встали въ углахъ, протянулись по потолку; трепетно цѣпляясь за каждое возвышеніе, прилегли къ стѣнамъ; и трудно

было понять, гдѣ находились раньше всѣ эти безчисленныя, уродливыя, молчаливыя тѣни, безгласныя души безгласныхъ вещей.

Что-то громко говорилъ густой дрожащій голосъ. Потомъ требовали доктора по телефону: сановнику было дурно. Вызвали и жену его превосходительства.

2. Къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Вышло такъ, какъ загадала полиція. Четверыхъ террористовъ, трехъ мужчинъ и одну женщину, вооруженныхъ бомбами, адскими машинами и револьверами, схватили у самаго подъѣзда, пятую—нашли и арестовали на конспиративной квартирѣ, хозяйкою которой она состояла. Захватили при этомъ много динамиту, полуснаряженныхъ бомбъ и оружія. Всѣ арестованные были очень молоды: старшему изъ мужчинъ было двадцать восемь лѣтъ, младшей изъ женщинъ всего девятнадцать. Судили ихъ въ той же крѣпости, куда заключили послѣ ареста, судили быстро и глухо, какъ дѣлалось въ то безпощадное время.

На судѣ всѣ пятеро были спокойны, но очень серьезны и очень задумчивы: такъ велико было ихъ презрѣніе къ судьямъ, что никому не хотѣлось лишней улыбкой или притворнымъ выраженіемъ веселья подчеркнуть свою смѣлость. Ровно настолько были они спокойны, сколько нужно для того, чтобы оградить свою душу и великій предсмертный мракъ ея отъ чужого, злого и враждебнаго взгляда. Иногда отказывались отвѣчать на вопросы, иногда отвѣчали—коротко, просто и точно, словно не судьямъ, а статистикамъ отвѣчали они для заполненія какихъ-то особенныхъ таблицъ. Трое, одна женщина и двое мужчинъ, назвали свои настоящія имена, двое отказались назвать

ихъ, и такъ и остались для судей неизвѣстными. И ко всему, происходившему на судѣ, обнаруживали они то смягченное, сквозь дымку, любопытство, которое свойственно людямъ или очень тяжело больнымъ, или же захваченнымъ одною огромною, всепоглощающей мыслью. Быстро взглядывали, ловили на лету какое-нибудь слово, болѣе интересное, чѣмъ другія—и снова продолжали думать, съ того же мѣста, на какомъ остановилась мысль.

Первымъ отъ судей помѣщался одинъ изъ назвавшихъ себя—Сергѣй Головинъ, сынъ отставного полковника, самъ бывшій офицеръ. Это былъ совсѣмъ еще молодой, бѣлокурый, широкоплечій юноша, такой здоровый, что ни тюрьма, ни ожиданіе неминуемой смерти не могли стереть краски съ его щекъ и выраженія молодой, счастливой наивности съ его голубыхъ глазъ. Все время онъ энергично пощипывалъ лохматую, свѣтлую бородку, къ которой еще не привыкъ, и неотступно, щурясь и мигая, глядѣлъ въ окно.

Это происходило въ концѣ зимы, когда среди снѣжныхъ бурь и тусклыхъ морозныхъ дней недалекая весна посылала, какъ предтечу, ясный, теплый солнечный день, или даже одинъ только часъ, но такой весенній, такой жадно молодой и сверкающій, что воробьи на улицѣ сходили съ ума отъ радости, и точно пьянѣли люди. И теперь, въ верхнее, запыленное, съ прошлаго лѣта не протиравшееся окно было видно очень странное и красивое небо: на первый взглядъ оно казалось молочно-сѣрымъ, дымчатымъ, а когда смотрѣть дольше—въ немъ начинала проступать синева, оно начинало голубѣть все глубже—все ярче, все безпредѣльнѣе. И то, что оно не открывалось все сразу, а цѣломудренно таилось въ дымкѣ прозрачныхъ облаковъ, дѣлало его милымъ, какъ дѣвушку, которую любишь; и Сергѣй Головинъ глядѣлъ въ небо, пощипывалъ бородку, щурилъ то одинъ, то другой глазъ съ длинными пушистыми рѣсницами и что-то усиленно соображалъ. Одинъ разъ онъ даже быстро зашевелилъ пальцами и наивно смор-

щился отъ какой-то радости, — но взглянулъ кругомъ и погасъ, какъ искра, на которую наступили ногою. И почти мгновенно сквозь краску щекъ, почти безъ перехода въ блѣдность, проступила землистая, мертвенная синева; и пушистый волосъ, съ болью выдираясь изъ гнѣзда, сжался какъ въ тискахъ въ побѣлѣвшихъ на кончикѣ пальцахъ. Но радость жизни и весны была сильнѣе—и черезъ нѣсколько минутъ прежнее молодое, наивное лицо тянулось къ весеннему небу.

Туда же, въ небо, смотрѣла молодая, блѣдная дѣвушка, неизвѣстная, по прозвищу Муся. Она была моложе Головина, но казалась старше въ своей строгости, въ чернотѣ своихъ прямыхъ и гордыхъ глазъ. Только очень тонкая, нѣжная шея, да такія же тонкія дѣвичьи руки говорили о ея возрастѣ; да еще то неуловимое, что есть сама молодость и что звучало такъ ясно въ ея голосѣ, чистомъ, гармоничномъ, настроенномъ безупречно, какъ дорогой инструментъ, въ каждомъ простомъ словѣ, восклицаніи, открывающемъ его музыкальное содержаніе. Была она очень блѣдна, но не мертвенной блѣдностью, а той особенной горячей бѣлизной, когда внутри человѣка какъ бы зажженъ огромный, сильный огонь, и тѣло прозрачно свѣтится, какъ тонкій севрскій фарфоръ. Сидѣла она, почти не шевелясь, и только изрѣдка, незамѣтнымъ движеніемъ пальцевъ ощупывала углубленную полоску на среднемъ пальцѣ правой руки, слѣдъ какого-то, недавно снятаго, кольца. И на небо она смотрѣла безъ ласки и радостныхъ воспоминаній, только потому, что во всемъ грязномъ казенномъ залѣ этотъ голубой кусочекъ неба былъ самымъ красивымъ, самымъ чистымъ и правдивымъ—и ничего не выпытывалъ у ея глазъ.

Сергѣя Головина судьи жалѣли, ее же ненавидѣли.

Также не шевелясь, въ нѣсколько чопорной позѣ, сложивъ руки между колѣнъ, сидѣлъ сосѣдъ ея, неизвѣстный, по прозвищу Вернеръ. Если лицо можно замкнуть, какъ глухую дверь, то свое лицо неизвѣстный замкнулъ, какъ дверь желѣзную, и замокъ на ней по-

вѣсилъ желѣзный. Смотрѣлъ онъ неподвижно внизъ на дощатый, грязный полъ, и нельзя было понять: спокоенъ онъ или волнуется безконечно, думаетъ о чемъ-нибудь или слушаетъ, что показываютъ передъ судомъ сыщики. Роста онъ былъ невысокаго; черты лица имѣлъ тонкія и благородныя. Нѣжный и красивый настолько, что напоминалъ лунную ночь гдѣ-нибудь на югѣ, на берегу моря, гдѣ кипарисы и черныя тѣни отъ нихъ, онъ въ то же время будилъ чувство огромной спокойной силы, непреоборимой твердости, холоднаго и дерзкаго мужества. Самая вѣжливость, съ какою давалъ онъ короткіе и точные отвѣты, казалась опасною въ его устахъ, въ его полупоклонѣ; и если на всѣхъ другихъ арестантскій халатъ казался нелѣпымъ шутовствомъ, то на немъ его не было видно совсѣмъ—такъ чуждо было платье человѣку. И хотя у другихъ террористовъ были найдены бомбы и адскія машины, а у Вернера только черный револьверъ, судьи считали почему-то главнымъ его, и обращались къ нему съ нѣкоторой почтительностью, также кратко и дѣловито.

Слѣдующій за нимъ, Василій Каширинъ, весь состоялъ изъ одного сплошного, невыносимаго ужаса смерти и такого же отчаяннаго желанія сдержать этотъ ужасъ и не показать его судьямъ. Съ самаго утра, какъ только повели ихъ на судъ, онъ началъ задыхаться отъ учащеннаго біенія сердца; на лбу все время капельками выступалъ потъ, также потны и холодны были руки и липла къ тѣлу, связывая его движенія, холодная, потная рубаха. Сверхъестественнымъ усиліемъ воли онъ заставлялъ пальцы свои не дрожать, голосъ быть твердымъ и отчетливымъ, глаза спокойными. Вокругъ себя онъ ничего не видѣлъ, голоса приносились къ нему, какъ изъ тумана, и въ этотъ же туманъ посылалъ онъ свои отчаянныя усилія—отвѣчать твердо, отвѣчать громко. Но отвѣтивъ, онъ тотчасъ забывалъ какъ и вопросъ, такъ и отвѣтъ свой, и снова молчаливо и страшно боролся. И такъ явственно

выступала въ немъ смерть, что судьи избѣгали смотрѣть на него, и трудно было опредѣлить его возрастъ, какъ у трупа, который уже началъ разлагаться. По паспорту же ему было всего 23 года. Разъ или два Вернеръ тихо прикасался рукою къ его колѣну и каждый разъ онъ отвѣчалъ однимъ словомъ:

— Ничего.

Самое страшное было для него, когда являлось вдругъ нестерпимое желаніе кричать—безъ словъ, животнымъ отчаяннымъ крикомъ. Тогда онъ тихо прикасался къ Вернеру и тотъ, не поднимая глазъ, отвѣчалъ ему тихо:

— Ничего, Вася. Скоро кончится.

И, всѣхъ обнимая материнскимъ, заботливымъ окомъ, изнывала въ тревогѣ пятая террористка, Таня Ковальчукъ. У нея никогда не было дѣтей, она была еще очень молода и краснощека, какъ Сергѣй Головинъ, но казалась матерью всѣмъ этимъ людямъ: такъ заботливы, такъ безконечно любовны были ея взгляды, улыбка, страхи. На судъ она не обращала никакого вниманія, какъ на нѣчто совсѣмъ постороннее, и только слушала, какъ отвѣчаютъ другіе: не дрожитъ ли голосъ, не боится ли, не дать ли воды.

На Васю она не могла смотрѣть отъ тоски и только тихонько ломала свои пухлые пальцы; на Мусю и Вернера смотрѣла съ гордостью и почтеніемъ, и лицо дѣлала серьезное и сосредоточенное, а Сергѣю Головину все старалась передать свою улыбку.

— Милый, на небо смотритъ. Посмотри, посмотри, голубчикъ,—думала она про Головина.

— А Вася? Что же это, Боже мой, Боже мой... Что же мнѣ съ нимъ дѣлать? Сказать что-нибудь—еще хуже сдѣлаешь: вдругъ заплачетъ?

И какъ тихій прудъ на зарѣ, отражающій каждое бѣгущее облако, отражала она на пухломъ, миломъ, добромъ лицѣ своемъ всякое быстрое чувство, всякую мысль тѣхъ, четверыхъ. О томъ, что ее также судятъ и также повѣсятъ, она не думала совсѣмъ—была

глубоко равнодушна. Это у нея на квартирѣ открыли складъ бомбъ и динамита; и какъ ни странно—это она встрѣтила полицію выстрѣлами и ранила одного сыщика въ голову.

Судъ кончился часовъ въ восемь, когда уже стемнѣло. Постепенно гасло передъ глазами Муси и Сергѣя Головина синѣющее небо, но не порозовѣло оно, не улыбнулось тихо, какъ въ лѣтніе вечера, а замутилось, посѣрѣло, вдругъ стало холоднымъ и зимнимъ. Головинъ вздохнулъ, потянулся, еще раза два взглянулъ въ окно, но тамъ стояла уже холодная ночная тьма; и продолжая пощипывать бородку, онъ началъ съ дѣтскимъ любопытствомъ разглядывать судей, солдатъ съ ружьями, улыбнулся Танѣ Ковальчукъ. Муся же, когда небо погасло, спокойно, не опуская глазъ на землю, перевела ихъ въ уголъ, гдѣ тихо колыхалась паутинка подъ незамѣтнымъ напоромъ духового отопленія; и такъ оставалась до объявленія приговора.

Послѣ приговора, простившись съ защитниками во фракахъ, и избѣгая ихъ безпомощно растерянныхъ, жалобныхъ и виноватыхъ глазъ, обвиненные столкнулись на минуту въ дверяхъ и обмѣнялись короткими фразами.

— Ничего, Вася. Кончится скоро все,—сказалъ Вернеръ.

— Да я, братъ, ничего,—громко, спокойно и даже какъ будто весело отвѣтилъ Каширинъ. И дѣйствительно, лицо его слегка порозовѣло и уже не казалось лицомъ разлагающагося трупа.

— Чтобы чортъ ихъ побралъ, вѣдь повѣсили таки,—наивно обругался Головинъ.

— Такъ и нужно было ожидать,—отвѣтилъ Вернеръ спокойно.

— Завтра будетъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ и насъ посадятъ вмѣстѣ,—сказала Ковальчукъ, утѣшая.—До самой казни вмѣстѣ будемъ сидѣть.

Муся молчала. Потомъ рѣшительно двинулась впередъ.

3. Меня не надо вѣшать.

За двѣ недѣли передъ тѣмъ, какъ судили террористовъ, тотъ же военно-окружный судъ, но только въ другомъ составѣ, судилъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе Ивана Янсона, крестьянина.

Этотъ Иванъ Янсонъ былъ батракомъ у зажиточнаго фермера, и ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ другихъ такихъ же работниковъ-бобылей. Родомъ онъ былъ эстонецъ, изъ Везенберга, и постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, переходя изъ одной фермы въ другую, придвинулся къ самой столицѣ. По-русски онъ говорилъ очень плохо, а такъ какъ хозяинъ его былъ русскій, по фамиліи Лазаревъ, и эстонцевъ поблизости не было, то почти всѣ два года Янсонъ молчалъ. Повидимому, и вообще онъ не былъ склоненъ къ разговорчивости, и молчалъ не только съ людьми, но и съ животными: молча поилъ лошадь, молча запрягалъ ее, медленно и лѣниво двигаясь вкругъ нея маленькими неувѣренными шажками, а когда лошадь, недовольная молчаніемъ, начинала капризничать и заигрывать, молча билъ ее кнутовищемъ. Билъ онъ ее жестоко, съ холодной и злой настойчивостью, и если это случалось въ то время, когда онъ находился въ тяжеломъ состояніи похмелья, то доходилъ до неистовства. Тогда до самаго дома доносился хлестъ кнута и испуганный, дробный, полный боли, стукъ копытъ по дощатому полу сарая. За то, что Янсонъ бьетъ лошадь, хозяинъ билъ его самого, но исправить не могъ, и такъ и бросилъ.

Разъ или два въ мѣсяцъ Янсонъ напивался, и происходило это обычно въ тѣ дни, когда онъ отвозилъ хозяина на большую желѣзнодорожную станцію, гдѣ былъ буфетъ. Ссадивъ хозяина, онъ отъѣзжалъ на

полверсты отъ станціи и тамъ, завязивъ въ снѣгу въ сторонѣ отъ дороги сани и лошадь, пережидалъ отхода поѣзда. Сани стояли бокомъ, почти лежали, лошадь по пузо уходила въ сугробъ раскаряченными ногами и изрѣдка тянула морду внизъ, чтобы лизнуть мягкаго пушистаго снѣга, а Янсонъ полулежалъ въ неудобной позѣ на саняхъ и какъ будто дремалъ. Развязанные наушники его облѣзлой мѣховой шапки безсильно свисали внизъ, какъ уши у лягавой собаки, и было влажно подъ маленькимъ красноватымъ носикомъ.

Потомъ Янсонъ возвращался на станцію и быстро напивался.

Назадъ на ферму, всѣ десять верстъ, онъ несся вскачь. Избитая, доведенная до ужаса лошаденка скакала всѣми четырьмя ногами, какъ угорѣлая, сани раскатывались, наклонялись, бились о столбы, а Янсонъ, опустивъ вожжи и каждую минуту почти вылетая изъ саней, не то пѣлъ, не то выкрикивалъ что-то по эстонски отрывистыми, слѣпыми фразами. А чаще даже и не пѣлъ, а молча, крѣпко стиснувъ зубы отъ наплыва невѣдомой ярости, страданій и восторга, несся впередъ и былъ, какъ слѣпой: не видѣлъ встрѣчныхъ, не окрикалъ, не замедлялъ бѣшенаго хода ни на заворотахъ, ни на спускахъ. Какъ онъ не задавилъ кого-нибидь, какъ самъ не разбился на смерть въ одну изъ такихъ дикихъ поѣздокъ, оставалось непонятнымъ.

Его уже давно слѣдовало прогнать, какъ прогоняли его и съ другихъ мѣстъ, но онъ былъ дешевъ, и другіе работники бывали не лучше, и такъ оставался онъ два года. Событій въ жизни Янсона не было никакихъ. Однажды онъ получилъ письмо по-эстонски, но такъ какъ самъ былъ неграмотенъ, а другіе по-эстонски не знали, то такъ письмо и осталось непрочитаннымъ; и съ какимъ-то дикимъ, изувѣрскимъ равнодушіемъ, точно не понимая, что письмо несетъ вѣсти съ родины, Янсонъ бросилъ его въ навозъ.

Попробовалъ еще Янсонъ поухаживать за стряпухой, томясь, видимо, по женщинѣ, но успѣха не имѣлъ и былъ грубо отвергнутъ и осмѣянъ: былъ онъ маленькаго роста, щуплый, лицо имѣлъ веснущатое, дробное, и сонные глазки бутылочнаго, грязнаго цвѣта. И неудачу свою Янсонъ встрѣтилъ равнодушно и больше къ стряпухѣ не приставалъ.

Но, мало говоря, Янсонъ все время къ чему-то прислушивался. Слушалъ онъ и унылое снѣжное поле, съ бугорками застывшаго навоза, похожаго на рядъ маленькихъ занесенныхъ снѣгомъ могилъ, и синія нѣжныя дали, и телеграфные гудящіе столбы—и разговоры людей. Что говорило ему поле и телеграфные столбы, зналъ только онъ одинъ, а разговоры людей были тревожны, полны слухами объ убійствахъ, о грабежахъ, о поджогахъ. И было слышно однажды ночью, какъ въ сосѣднемъ поселкѣ жидко и безпомощно тренькалъ на киркѣ маленькій колоколъ, похожій на колокольчикъ, и трещало пламя пожара: то какіе-то пріѣзжіе ограбили богатую ферму, хозяина и жену его убили, а домъ подожгли.

И на ихней фермѣ жили тревожно: не только ночью, но и днемъ спускали собакъ, и хозяинъ ночью клалъ возлѣ себя ружье. Такое же ружье, но только одноствольное и старое онъ хотѣлъ дать Янсону, но тотъ повертѣлъ ружье въ рукахъ, покачалъ головою и почему-то отказался. Хозяинъ не понялъ причины отказа и обругалъ Янсона, а причина была въ томъ, что Янсонъ больше вѣрилъ въ силу своего финскаго ножа, чѣмъ этой старой ржавой штукѣ.

— Она меня самого убьетъ,—сказалъ Янсонъ, сонно смотря на хозяина стеклянными глазками. И хозяинъ въ отчаяніи махнулъ рукою:

— Ну и дуракъ же ты, Иванъ. Вотъ тутъ и поживи съ такими работниками!

И вотъ этотъ самый Иванъ Янсонъ, не довѣрявшій ружью, въ одинъ зимній вечеръ, когда другого работника услали на станцію, совершилъ весьма сложное

покушеніе: на вооруженный грабежъ, на убійство и на изнасилованіе женщины. Сдѣлалъ онъ это какъ-то удивительно просто: заперъ стряпуху въ кухнѣ, лѣниво, съ видомъ человѣка, которому смертельно хочется спать, подошелъ сзади къ хозяину и быстро, разъ за разомъ, ударилъ его въ спину ножомъ. Хозяинъ въ безпамятствѣ свалился, хозяйка заметалась и завопила, а Янсонъ, оскаливъ зубы, размахивая ножемъ, началъ разворачивать сундуки, коммоды. Досталъ деньги, а потомъ точно впервые увидѣлъ хозяйку и, неожиданно для себя самого, кинулся къ ней, чтобы изнасиловать. Но такъ какъ ножъ при этомъ онъ упустилъ, то хозяйка оказалась сильнѣе и не только не дала себя изнасиловать, а чуть не удушила его. А тутъ заворочался на полу хозяинъ, загремѣла ухватомъ кухарка, вышибая кухонную дверь, и Янсонъ убѣжалъ въ поле. Схватили его черезъ часъ, когда онъ, сидя на корточкахъ за угломъ сарая и зажигая одну за другою тухнущія спички, совершалъ покушеніе на поджогъ.

Черезъ нѣсколько дней хозяинъ умеръ отъ зараженія крови, а Янсона, когда наступилъ его чередъ въ ряду другихъ грабителей и убійцъ, судили и приговорили къ смертной казни. На судѣ онъ былъ такой же, какъ всегда: маленькій, щуплый, веснущатый, съ стеклянными сонными глазками. Онъ, какъ будто, не совсѣмъ понималъ значеніе происходящаго и по виду былъ совершенно равнодушенъ: моргалъ бѣлыми рѣсницами, тупо, безъ любопытства, оглядывалъ незнакомый важный залъ и ковырялъ въ носу жесткимъ, заскорузлымъ негнущимся пальцемъ. Только тѣ, кто видалъ его по воскресеньямъ въ киркѣ, могли бы догадаться, что онъ нѣсколько принарядился; надѣлъ на шею вязаный, грязно-красный шарфъ и кое-гдѣ примочилъ волосы на головѣ; и тамъ, гдѣ волосы были примочены, они темнѣли и лежали гладко, а на другой сторонѣ торчали свѣтлыми и рѣдкими вихрами—какъ соломенки на тощей, градомъ побитой нивѣ.

Когда былъ объявленъ приговоръ: къ смертной казни черезъ повѣшеніе, Янсонъ вдругъ заволновался. Онъ густо покраснѣлъ и началъ завязывать и развязывать шарфъ, точно онъ душилъ его. Потомъ безтолково замахалъ руками и сказалъ, обращаясь къ тому судьѣ, который не читалъ приговора и, показывая пальцемъ на того, который читалъ:

— Она сказала, что меня надо вѣшать.

— Какая такая она? — густо, басомъ, спросилъ предсѣдатель, читавшій приговоръ. Всѣ улыбнулись, пряча улыбки подъ усами и въ бумагахъ, а Янсонъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ на предсѣдателя и сердито, исподлобья, отвѣтилъ:

— Ты!

— Ну?

Янсонъ опять обратилъ глаза къ молчащему, сдержанно улыбавшемуся судьѣ, въ которомъ чувствовалъ друга и человѣка, къ приговору совершенно непричастнаго, и повторилъ:

— Она сказала, что меня надо вѣшать. Меня не надо вѣшать.

— Уведите обвиняемаго.

Но Янсонъ успѣлъ еще разъ убѣдительно и вѣско повторить:

— Меня не надо вѣшать.

Онъ такъ былъ нелѣпъ съ своимъ маленькимъ, сердитымъ лицомъ, которому напрасно пытался придать важность, съ своимъ протянутымъ пальцемъ, что даже конвойный солдатъ, нарушая правила, сказалъ ему вполголоса, уводя изъ зала:

— Ну и дуракъ же ты, парень.

— Меня не надо вѣшать, — упрямо повторилъ Янсонъ.

— Вздернутъ за мое почтеніе, дрыгнуть не успѣешь.

— Ну-ну, помалкивай!—сердито окрикнулъ другой конвойный. Но не утерпѣлъ самъ и добавилъ:

— Тоже грабитель! За что, дуракъ, душу человѣческую загубилъ? Вотъ теперь и повиси.

— Можетъ, помилуютъ?—сказалъ первый солдатъ, которому жалко стало Янсона.

— Какъ же! Такихъ миловать... Ну, буде, поговорили.

Но Янсонъ уже замолчалъ. И опять его посадили въ ту камеру, въ которой онъ уже сидѣлъ мѣсяцъ и къ которой успѣлъ привыкнуть, какъ привыкалъ ко всему: къ побоямъ, къ водкѣ, къ унылому снѣжному полю, усѣянному круглыми бугорками, какъ кладбище. И теперь ему даже весело стало, когда онъ увидѣлъ свою кровать, свое окно съ рѣшеткой, и ему дали поѣсть—съ утра онъ ничего не ѣлъ. Непріятно было только то, что произошло на судѣ, но думать объ этомъ онъ не могъ, не умѣлъ. И смерти черезъ повѣшеніе не представлялъ совсѣмъ.

Хотя Янсонъ и приговоренъ былъ къ смертной казни, но такихъ, какъ онъ, было много, и важнымъ преступникомъ его въ тюрьмѣ не считали. Поэтому съ нимъ разговаривали, безъ опаски, и безъ уваженія, какъ со всякимъ другимъ, кому не предстоитъ смерть. Точно не считали его смерти за смерть. Надзиратель, узнавъ о приговорѣ, сказалъ ему наставительно:

— Что, братъ? Вотъ и повѣсили!

— А когда меня будутъ вѣшать?—недовѣрчиво спросилъ Янсонъ. Надзиратель задумался.

— Ну это, братъ, прійдется тебѣ погодить. Пока партію не собьютъ. А то для одного, да еще для такого, и стараться не стоитъ. Тутъ нуженъ подъемъ.

— Ну, а когда?—настойчиво спрашивалъ Янсонъ. Ему нисколько не было обидно, что одного его даже вѣшать не стоитъ, и онъ этому не повѣрилъ, счелъ за предлогъ, чтобы отсрочить казнь, а потомъ и совсѣмъ отмѣнить ее. И радостно стало: смутный и страшный моментъ, о которомъ нельзя думать, отодвигался куда-то вдаль, становился сказочнымъ и невѣроятнымъ, какъ всякая смерть.

— Когда, когда!—разсердился надзиратель, старикъ тупой и угрюмый.—Это тебѣ не собаку вѣшать, отвелъ за сарай, разъ, и готово. А ты такъ бы и хотѣлъ, дуракъ!

— А я не хочу!—вдругъ весело сморщился Янсонъ.—Это она сказала, что меня надо вѣшать, а я не хочу!

И, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни онъ засмѣялся: скрипучимъ, нелѣпымъ, но страшно веселымъ и радостнымъ смѣхомъ. Какъ будто гусь закричалъ: га-га-га! Надзиратель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, потомъ нахмурился строго: эта нелѣпая веселость человѣка, котораго должны казнить, оскорбляла тюрьму и самую казнь и дѣлала ихъ чѣмъ-то очень страннымъ. И вдругъ на одно мгновеніе, на самое коротенькое мгновеніе, старому надзирателю, всю жизнь проведшему въ тюрьмѣ, ея правила признавшему какъ бы за законы природы—показалась она и вся жизнь чѣмъ-то въ родѣ сумасшедшаго дома, причемъ онъ, надзиратель, и есть самый главный сумасшедшій.

— Тьфу, чтобъ тебя!—отплюнулся онъ.—Чего зубы скалишь, тутъ тебѣ не кабакъ!

— А я не хочу—га-га-га!—смѣялся Янсонъ.

— Сатана!—сказалъ надзиратель, чувствуя потребность перекреститься.

Менѣе всего былъ похожъ на сатану этотъ человѣчекъ съ маленькимъ дряблымъ личикомъ, но было въ его гусиномъ гоготаньѣ что-то такое, что уничтожало святость и крѣпость тюрьмы. Посмѣйся онъ еще немного—и вотъ развалятся гнилостно стѣны, и упадутъ размокшія рѣшетки, и надзиратель самъ выведетъ арестантовъ за ворота: пожалуйте, господа, гуляйте себѣ по городу—а, можетъ, кто и въ деревню хочетъ? Сатана!

Но Янсонъ уже пересталъ смѣяться и только щурился лукаво.

— Ну то-то!—сказалъ надзиратель съ неопредѣленной угрозой и ушелъ, оглядываясь.

Весь этотъ вечеръ Янсонъ былъ спокоенъ и даже веселъ. Онъ повторялъ про себя сказанную фразу: меня не надо вѣшать, и она была такою убѣдитель-

ною, мудрою, неопровержимой, что ни о чемъ не стоило безпокоиться. О своемъ преступленіи онъ давно забылъ и только иногда жалѣлъ, что не удалось изнасиловать хозяйку. А скоро забылъ и объ этомъ.

Каждое утро Янсонъ спрашивалъ, когда его будутъ вѣшать, и каждое утро надзиратель сердито отвѣчалъ:

— Успѣешь еще, сатана. Посиди! — и уходилъ поскорѣе, пока не успѣлъ Янсонъ разсмѣяться.

И отъ этихъ однообразно повторяющихся словъ, и отъ того, что каждый день начинался, проходилъ и кончался, какъ самый обыкновенный день, Янсонъ безповоротно убѣдился, что никакой казни не будетъ. Очень быстро сталъ забывать онъ о судѣ, и цѣлыми днями валялся на койкѣ, смутно и радостно грезя объ унылыхъ, снѣжныхъ поляхъ съ ихъ бугорками, о станціонномъ буфетѣ, о чемъ-то еще болѣе далекомъ и свѣтломъ. Въ тюрьмѣ его хорошо кормили и какъ-то очень быстро, за нѣсколько дней, онъ пополнѣлъ и сталъ немного важничать.

«Теперь она меня и такъ бы полюбила» — подумалъ онъ какъ-то про хозяйку. — «Теперь я, толстый, не хуже хозяина»

И только выпить водки очень хотѣлось — выпить и быстро, быстро прокатиться на лошадкѣ.

Когда террористовъ арестовали, вѣсть объ этомъ дошла до тюрьмы; и, на обычный вопросъ Янсона, надзиратель вдругъ неожиданно и дико отвѣтилъ:

— Теперь скоро.

Глядѣлъ на него спокойно и важно и говорилъ.

— Теперь скоро. Думаю, такъ что черезъ недѣльку:

Янсонъ поблѣднѣлъ и, точно совсѣмъ засыпая, такъ мутенъ былъ взглядъ его стеклянныхъ глазъ, спросилъ:

— Ты шутишь?

— То дождаться не могъ, а то шутишь. У насъ шутокъ не полагается. Это вы шутить любите, а у насъ шутокъ не полагается,—сказалъ надзиратель съ достоинствомъ и ушелъ.

Уже къ вечеру этого дня Янсонъ похудѣлъ. Его растянувшаяся, на время разгладившаяся кожа вдругъ собралась въ множество маленькихъ морщинокъ, кое гдѣ даже обвисла, какъ будто. Глаза сдѣлались совсѣмъ сонными, и всѣ движенія стали такъ медленны и вялы, словно каждый поворотъ головы, движеніе пальцевъ, шагъ ногою былъ такимъ сложнымъ и громоздкимъ предпріятіемъ, которое раньше нужно очень долго обдумывать. Ночью онъ легъ на койку, но глазъ не закрылъ и такъ, сонные, до утра они оставались открыты.

— Ага! — сказалъ надзиратель съ удовольствіемъ, увидѣвъ его на слѣдующій день. — Тутъ тебѣ, голубчикъ, не кабакъ.

Съ чувствомъ пріятнаго удовлетворенія, какъ ученый, опытъ котораго еще разъ удался, онъ съ ногъ до головы, внимательно и подробно оглядѣлъ осужденнаго: теперь все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Сатана посрамленъ, возстановлена святость тюрьмы и казни— и снисходительно, даже жалѣя искренно, старикъ освѣдомился:

— Видѣться съ кѣмъ будешь или нѣтъ?

— Зачѣмъ видѣться?

— Ну, проститься. Мать, напримѣръ, или братъ.

— Меня не надо вѣшать,—тихо сказалъ Янсонъ и искоса поглядѣлъ на надзирателя.—Я не хочу.

Надзиратель посмотрѣлъ—и молча махнулъ рукой.

Къ вечеру Янсонъ нѣсколько успокоился. День былъ такой обыкновенный, такъ обыкновенно свѣтило облачное, зимнее небо, такъ обыкновенно звучали въ корридорѣ шаги и чей-то дѣловой разговоръ, такъ обыкновенно и естественно и обычно пахли щи изъ кислой капусты, что онъ опять пересталъ вѣрить въ казнь. Но къ ночи стало страшно. Прежде Янсонъ ощущалъ ночь просто, какъ темноту, какъ особенное темное время, когда нужно спать, но теперь онъ почувствовалъ ея таинственную и грозную сущность... Чтобы не вѣрить въ смерть, нужно видѣть и слышать вокругъ себя обыкновенное: шаги, голоса, свѣтъ, щи

изъ кислой капусты, а теперь все было необыкновенное, и эта тишина и этотъ мракъ и сами по себѣ были уже какъ будто смертью.

И чѣмъ дальше тянулась ночь, тѣмъ все страшнѣе становилось. Съ наивностью дикаря или ребенка, считающихъ возможнымъ все, Янсону хотѣлось крикнуть солнцу; свѣти! И онъ просилъ, онъ умолялъ, чтобы солнце свѣтило, но ночь неуклонно влекла надъ землею свои черные часы и не было силы, которая могла бы остановить ея теченіе. И эта невозможность, впервые такъ ясно представшая слабому мозгу Янсона, наполнила его ужасомъ: еще не смѣя почувствовать это ясно, онъ уже созналъ неизбѣжность близкой смерти и мертвѣющей ногою вступилъ на первую ступень эшафота.

День опять успокоилъ его, и ночь опять напугала и такъ было до той ночи, когда онъ и созналъ и почувствовалъ, что смерть неизбѣжна и наступитъ черезъ три дня, на разсвѣтѣ, когда будетъ вставать солнце.

Онъ никогда не думалъ о томъ, что такое смерть, и образа для него смерть не имѣла,—но теперь онъ почувствовалъ ясно, увидѣлъ, ощутилъ, что она вошла въ камеру и ищетъ его, шаря руками. И, спасаясь, онъ началъ бѣгать по камерѣ.

Но камера была такая маленькая, что, казалось, не острые, а тупые углы въ ней, и всѣ толкаютъ его на середину. И не за что спрятаться. И дверь заперта. И свѣтло. Нѣсколько разъ, молча, ударился туловищемъ о стѣны, разъ стукнулся о дверь—глухо и пусто. Наткнулся на что-то и упалъ лицомъ внизъ, и тутъ почувствовалъ, что она его хватаетъ. И лежа на животѣ, прилипая къ полу, прячась лицомъ въ его темный, грязный асфальтъ, Янсонъ завопилъ отъ ужаса. Лежалъ и кричалъ во весь голосъ, пока не пришли. И когда его уже подняли съ пола и посадили на койку, и вылили на голову холодной воды, Янсонъ все еще не рѣшался открыть крѣпко зажмуренныхъ глазъ

Пріоткроетъ одинъ, увидитъ свѣтлый пустой уголъ или чей-то сапогъ въ пустотѣ, и опять начнетъ кричать.

Но холодная вода начала дѣйствовать. Помогло и то, что дежурный надзиратель, все тотъ же старикъ, нѣсколько разъ лѣкарственно ударилъ Янсона по головѣ. И это ощущеніе жизни дѣйствительно прогнало смерть, и Янсонъ открылъ глаза, и остальную часть ночи, съ помутившимися мозгами, крѣпко проспалъ. Лежалъ на спинѣ, съ открытымъ ртомъ, и громко, заливисто храпѣлъ; и между неплотно закрытыхъ вѣкъ бѣлѣлъ плоскій и мертвый глазъ безъ зрачка.

А дальше все въ мірѣ, и день, и ночь, и шаги, и голоса, и щи изъ кислой капусты стали для него сплошнымъ ужасомъ, повергли его въ состояніе дикаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго, изумленія. Его слабая мысль не могла связать этихъ двухъ представленій, такъ чудовищно противорѣчащихъ одно другому: обычно свѣтлаго дня, запаха и вкуса капусты—и того, что черезъ два дня, черезъ день онъ долженъ умереть. Онъ ничего не думалъ, онъ даже не считалъ часовъ, а просто стоялъ въ нѣмомъ ужасѣ передъ этимъ противорѣчіемъ, разорвавшимъ его мозгъ на двѣ части; и сталъ онъ ровно блѣдный, ни бѣлѣе, ни краснѣе, и по виду казался спокойнымъ. Только ничего не ѣлъ и совсѣмъ пересталъ спать: или всю ночь, поджавъ пугливо подъ себя ноги, сидѣлъ на табуретѣ, или тихонько, крадучись и сонно озираясь, прогуливался по камерѣ. Ротъ у него все время былъ полураскрытъ, какъ бы отъ непрестаннаго величайшаго удивленія; и прежде чѣмъ взять въ руки какой-нибудь самый обыкновенный предметъ, онъ долго и тупо разсматривалъ его, и бралъ недовѣрчиво.

И когда онъ сталъ такимъ, и надзиратели, и солдатъ, наблюдавшій за нимъ въ окошечко, перестали обращать на него вниманіе. Это было обычное для осужденныхъ состояніе, сходное, по мнѣнію надзирателя, никогда его не испытавшаго, съ тѣмъ, какое бываетъ у убиваемой скотины, когда ее оглушатъ ударомъ обуха по лбу.

— Теперь онъ оглохъ, теперь онъ до самой смерти ничего не почувствуетъ,—говорилъ надзиратель вглядываясь въ него опытными глазами. — Иванъ, слышишь? А, Иванъ?

— Меня не надо вѣшать—тускло отозвался Янсонъ, и снова нижняя челюсть его отвисла.

— А ты бы не убивалъ, тебя бы и не повѣсили,— наставительно сказалъ старшій надзиратель, еще молодой, но очень важный мужчина, въ орденахъ.—А то убить убилъ, а вѣшаться не хочешь.

— Захотѣлъ человѣка на дармовщинку убить. Глупъ, глупъ, а хитеръ.

— Я не хочу,—сказалъ Янсонъ.

— Что жъ, милый, не хоти, дѣло твое,—равнодушно сказалъ старшій.—Лучше бы, чѣмъ глупости говорить, имуществомъ распорядился — все что-нибудь да есть.

— Ничего у него нѣту. Одна рубаха да порты. Да вотъ еще шапка мѣховая—франтъ!

— Такъ прошло время до четверга. А въ четвергъ въ 12 часовъ ночи, въ камеру къ Янсону вошло много народу, и какой-то господинъ съ погонами сказалъ:

— Ну-съ, собирайтесь. Надо ѣхать.

Янсонъ, двигаясь все также медленно и вяло, надѣлъ на себя все, что у него было, и повязалъ грязно-красный шарфъ. Глядя, какъ онъ одѣвается, господинъ въ погонахъ, курившій папиросу, сказалъ кому-то:

— А какой сегодня теплый день. Совсѣмъ весна.

Глазки у Янсона слипались, онъ совсѣмъ засыпалъ и ворочался такъ медленно и туго, что надзиратель прикрикнулъ:

— Ну, ну, живѣе. Заснулъ!

Вдругъ Янсонъ остановился.

— Я не хочу,—сказалъ онъ вяло.

Его взяли подъ руки и повели, и онъ покорно зашагалъ, поднимая плечи. На дворѣ его сразу обвѣяло весеннимъ влажнымъ воздухомъ и подъ носикомъ стало мокро; несмотря на ночь, оттепель стала еще сильнѣе и откуда-то звонко падали на камень частыя,

веселыя капли. И въ ожиданіи, пока въ черную безъ фонарей карету влѣзали, стуча шашками и сгибаясь, жандармы, Янсонъ лѣниво водилъ пальцемъ подъ мокрымъ носомъ и поправлялъ плохо завязанный шарфъ.

4. Мы, орловскіе.

Тѣмъ же присутствіемъ военно-окружного суда, которое судило Янсона, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе крестьянинъ орловской губерніи, елецкаго уѣзда, Михаилъ Голубецъ, по кличкѣ Мишка Цыганокъ, онъ же Татаринъ. Послѣднимъ преступленіемъ его, установленнымъ точно, было убійство трехъ человѣкъ и вооруженное ограбленіе; а дальше уходило въ загадочную глубину его темное прошлое. Были смутные намеки на участіе его въ цѣломъ рядѣ другихъ грабежей и убійствъ, чувствовались позади его кровь и огонь, и темный пьяный разгулъ. Съ полной откровенностью, совершенно искренно, онъ называлъ себя разбойникомъ, и съ ироніей относился къ тѣмъ, которые по модному величали себя «экспропріаторами». О послѣднемъ преступленіи, гдѣ запирательство не вело ни къ чему, онъ разсказывалъ подробно и охотно, на вопросы же о прошломъ только скалилъ зубы и посвистывалъ:

— Иши вѣтра въ полѣ!

Когда же очень приставали съ разспросами, Цыганокъ принималъ серьезный и достойный видъ.

— Мы всѣ, орловскіе, проломленныя головы,—говорилъ онъ степенно и разсудительно. — Орелъ да Кромы — первые воры. Карачевъ да Ливны — всѣмъ ворамъ дивны. А Елецъ — такъ тотъ всѣмъ ворамъ отецъ. Что-жъ тутъ толковать!

Цыганкомъ его прозвали за внѣшность и воровскія

ухватки. Былъ онъ до странности черноволосъ, худощавъ, съ пятнами желтаго пригара на острыхъ татарскихъ скулахъ; какъ-то по лошадиному выворачивалъ бѣлки глазъ и вѣчно куда-то торопился. Взглядъ у него былъ короткій, быстрый, но до жуткости прямой и полный любопытства, и вещь, на которую онъ коротко взглянулъ, точно теряла что-то, отдавала ему часть себя и становилась другою. Папиросу, на которую онъ взглянулъ, такъ же непріятно и трудно было взять, какъ будто она уже побывала въ чужомъ рту. Какой-то вѣчный неугомонъ сидѣлъ въ немъ, и то скручивалъ его, какъ жгутъ, то разбрасывалъ его широкимъ снопомъ извивающихся искръ. И воду онъ пилъ чуть ли не ведрами, какъ лошадь.

На всѣ вопросы на судѣ онъ, вскакивая быстро, отвѣчалъ коротко, твердо и даже какъ будто съ удовольствіемъ:

— Вѣрно!

Иногда подчеркивалъ:

— Вѣр-р-но!

И совершенно неожиданно, когда рѣчь шла о другомъ, вскочилъ и попросилъ предсѣдателя:

— Дозвольте засвистать!

— Это зачѣмъ?—удивился тотъ.

— А какъ они показываютъ, что я давалъ знакъ товарищамъ, то вотъ. Очень интересно.

Слегка недоумѣвая, предсѣдатель согласился. Цыганокъ быстро вложилъ въ ротъ четыре пальца, по два отъ каждой руки, свирѣпо выкатилъ глаза—и мертвый воздухъ судебнаго зала прорѣзалъ настоящій, дикій, разбойничій посвистъ, отъ котораго прядаютъ и садятся на заднія ноги оглушенныя лошади и блѣднѣетъ невольно человѣческое лицо. И смертельная тоска того, кого убиваютъ, и дикая радость убійцы, и грозное предостереженіе, и зовъ, и тьма осенней ненастной ночи, и одиночество — все было въ этомъ пронзительномъ, и не человѣческомъ, и не звѣриномъ, воплѣ.

Предсѣдатель что-то закричалъ, потомъ замахалъ на Цыганка рукою, и тотъ послушно смолкъ. И какъ артистъ, побѣдоносно исполнившій трудную, но всегда успѣшную арію, сѣлъ, вытеръ о халатъ мокрые пальцы, и самодовольно оглядѣлъ присутствующихъ.

— Вотъ разбойникъ!—сказалъ одинъ изъ судей, потирая ухо. Но другой, съ широкой русской бородою и татарскими, какъ у Цыганка, глазами, мечтательно поглядѣлъ куда-то поверхъ Цыганка, улыбнулся и возразилъ:

— А, вѣдь, дѣйствительно интересно.

И съ спокойнымъ сердцемъ, безъ жалости и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, судьи вынесли Цыганку смертный приговоръ.

— Вѣрно!—сказалъ Цыганокъ, когда приговоръ былъ прочитанъ.—Во чистомъ полѣ да перекладинка. Вѣрно!

И, обратясь къ конвойному, молодецки бросилъ:

— Ну, идемъ что ли, кислая шерсть. Да ружье крѣпче держи—отыму!

Солдатъ сурово, съ опаскою, взглянулъ на него, переглянулся съ товарищемъ и пощупалъ замокъ у ружья. Другой сдѣлалъ такъ же. И всю дорогу до тюрьмы солдаты точно не шли, а летѣли по воздуху—такъ, поглощенные преступникомъ, не чувствовали они ни земли подъ ногами, ни времени, ни самихъ себя.

До казни Мишкѣ Цыганку, какъ и Янсону, пришлось провести въ тюрьмѣ семнадцать дней. И всѣ семнадцать дней пролетѣли для него такъ быстро, какъ одинъ—какъ одна неугасающая мысль о побѣгѣ, о волѣ и о жизни. Неугомонъ, владѣвшій Цыганкомъ и теперь сдавленный стѣнами и рѣшетками, и мертвымъ окномъ, въ которое ничего не видно, обратилъ всю свою ярость внутрь и жегъ мысль Цыганка, какъ разбросанный по доскамъ уголь. Точно въ пьяномъ угарѣ, роились, сшибались и путались яркіе, но незаконченные образы, неслись мимо въ неудержимомъ ослѣпительномъ вихрѣ, и всѣ устремлялись къ одному—

къ побѣгу, къ волѣ, къ жизни. То, раздувая ноздри, какъ лошадь, Цыганокъ по цѣлымъ часамъ нюхалъ воздухъ—ему чудилось, что пахнетъ коноплями, и пожарнымъ дымкомъ, безцвѣтной и ѣдкою гарью; то волчкомъ крутился по камерѣ, быстро ощупывая стѣны, постукивая пальцемъ, примѣряясь, точа взглядомъ потолокъ, перепиливая рѣшетки. Своею неугомонностью онъ измучилъ солдата, наблюдавшаго за нимъ въ глазокъ, и уже нѣсколько разъ, въ отчаяніи, солдатъ грозилъ стрѣлять; Цыганокъ грубо и насмѣшливо возражалъ и только потому дѣло кончалось мирно, что препирательство скоро переходило въ простую, мужицкую, неоскорбительную брань, при которой стрѣльба казалась нелѣпой и невозможной.

Ночи свои Цыганокъ спалъ крѣпко, почти не шевелясь, въ неизмѣнной, но живой неподвижности, какъ бездѣйствующая временно пружина. Но вскочивъ — тотчасъ принимался вертѣться, соображать, ощупывать. Руки у него постоянно были сухія и горячія, но сердце иногда вдругъ холодѣло: точно въ грудь клали кусокъ нетающаго льду, отъ котораго по всему тѣлу разбѣгалась мелкая сухая дрожь. И безъ того темный, въ эти минуты Цыганокъ чернѣлъ, принималъ оттѣнокъ синеватаго чугуна. И странная привычка у него появилась: точно объѣвшись чего-то чрезмѣрно и невыносимо сладкаго, онъ постоянно облизывалъ губы, чмокалъ и съ шипѣніемъ, сквозь зубы, сплевывалъ на полъ набѣгающую слюну. И не договаривалъ словъ: такъ быстро бѣжали мысли, что языкъ не успѣвалъ догнать ихъ.

Однажды днемъ, въ сопровожденіи конвойнаго, къ нему вошелъ старшій надзиратель. Покосился на заплеванный полъ и угрюмо сказалъ:

— Ишь, запакостилъ!

Цыганокъ быстро возразилъ:

— Ты вотъ, жирная морда, всю землю запакостилъ, а я тебѣ ничего. Зачѣмъ прилѣзъ?

Все также угрюмо надзиратель предложилъ ему

стать палачемъ. Цыганокъ оскалилъ зубы и захохоталъ.

— Ай не находится? Ловко! Вотъ и повѣсь поди, ха-ха! И шея есть, и веревка есть, а вѣшать-то некому. Ей-Богу, ловко!

Живъ останешься за то.

— Ну еще бы: не мертвый же я тебѣ вѣшать буду. Сказалъ, дуракъ!

— Такъ какъ же? Тебѣ-то все равно: такъ или этакъ.

— А какъ у васъ вѣшаютъ? Небойсь, втихомолку душатъ!

— Нѣтъ, съ музыкой,—огрызнулся надзиратель.

— Ну и дуракъ. Конечно, надо съ музыкой. Вотъ такъ—и онъ запѣлъ что-то залихватское.

— Совсѣмъ ты, милый, порѣшился,—сказалъ надзиратель.—Ну такъ какъ же, говори толкомъ.

Цыганокъ оскалился:

— Какой скорый! Еще разокъ прійди, тогда скажу.

И въ хаосъ яркихъ, но незаконченныхъ образовъ, угнетавшихъ Цыганка своею стремительностью, ворвался новый: какъ хорошо быть палачемъ въ красной рубахѣ. Онъ живо представлялъ себѣ площадь, залитую народомъ, высокій помостъ, и какъ онъ, Цыганокъ, въ красной рубахѣ разгуливаетъ по немъ съ топорикомъ. Солнце освѣщаетъ головы, весело поблескиваетъ на топорикѣ, и такъ все весело и богато, что даже тотъ, кому сейчасъ рубить голову, тоже улыбается. А за народомъ видны телѣги и морды лошадей—то мужики наѣхали изъ деревни; а дальше видно поле.

— Ц-ахъ!—чмокалъ Цыганокъ, облизываясь, и сплевывалъ набѣгавшую слюну. И вдругъ точно мѣховую шапку нахлобучили ему до самаго рта: становилось темно и душно, и кускомъ нетающаго льда дѣлалось сердце, посылая мелкую сухую дрожь.

Еще раза два заходилъ надзиратель, и, оскаливъ зубы, Цыганокъ говорилъ:

— Какой скорый. Еще разокъ зайди.

И наконецъ, мелькомъ, въ форточку, надзиратель крикнулъ:

— Проворонилъ свое счастье, ворона. Другого нашли.

— Ну и чортъ съ тобой, вѣшай самъ!—огрызнулся Цыганокъ. И пересталъ мечтать о палачествѣ.

Но подъ конецъ, чѣмъ ближе къ казни, стремительность разорванныхъ образовъ становилась невыносимою. Цыганку уже хотѣлось остановиться, раскарячить ноги и остановиться—но крутящійся потокъ уносилъ его и ухватиться не за что было: все плыло кругомъ. И уже сталъ безпокойнымъ сонъ: появились новыя, выпуклыя, тяжелыя, какъ деревянныя раскрашенныя чурки, сновидѣнія, еще болѣе стремительныя, чѣмъ мысли. Уже не потокъ это былъ, а безконечное паденіе съ безконечной горы, кружащійся полетъ черезъ весь видимо-красочный міръ. На волѣ Цыганокъ носилъ одни довольно франтовскіе усы, а въ тюрьмѣ у него отросла короткая, черная, колючая борода, и это дѣлало его страшнымъ и сумасшедшимъ по виду. Временами Цыганокъ дѣйствительно забывался и совершенно безсмысленно кружился по камерѣ, но все еще ощупывалъ шершавыя, штукатуренныя стѣны. И воду пилъ, какъ лошадь.

Какъ-то къ вечеру, когда зажгли огонь, Цыганокъ всталъ на четвереньки посреди камеры и завылъ дрожащимъ волчьимъ воемъ. Былъ онъ какъ-то особенно серьезенъ при этомъ и вылъ такъ, будто дѣлалъ важное и необходимое дѣло. Набиралъ полную грудь воздуху и медленно выпускалъ его въ продолжительномъ, дрожащемъ воѣ; и внимательно, зажмуривъ глаза, прислушивался, какъ выходитъ. И самая дрожь въ голосѣ казалась нѣсколько умышленною; и не кричалъ онъ безтолково, а выводилъ тщательно каждую ноту въ этомъ звѣриномъ воплѣ, полномъ несказаннаго ужаса и скорби.

Потомъ сразу оборвалъ вой и нѣсколько минутъ, не поднимаясь съ четверенекъ, молчалъ. Вдругъ тихонько, въ землю, забормоталъ:

— Голубчики, миленькіе... Голубчики, миленькіе, пожалѣйте... Голубчики!.. Миленькіе!..

И тоже какъ будто прислушивался, какъ выходитъ. Скажетъ слово и прислушается.

Потомъ вскочилъ — и цѣлый часъ, не переводя духу, ругался по матерщинѣ.

— У такіе, сякіе, туда-то-та-та!—оралъ онъ, выворачивая налившіеся кровью глаза.—Вѣшать, такъ вѣшать, а не то... У такіе, сякіе...

И бѣлый, какъ мѣлъ, солдатъ, плача отъ тоски, отъ ужаса, тыкалъ въ дверь дуломъ ружья и безпомощно кричалъ:

— Застрѣлю! Ей-Богу, застрѣлю! Слышишь!

Но стрѣлять не смѣлъ: въ приговоренныхъ къ казни, если не было настоящаго бунта, никогда не стрѣляли. А Цыганокъ скрипѣлъ зубами, бранился и плевалъ — его человѣческій мозгъ, поставленный на чудовищно острую грань между жизнью и смертью, распадался на части, какъ комокъ сухой и вывѣтрившейся глины.

Когда явились ночью въ камеру, чтобы везти Цыганка на казнь, онъ засуетился и какъ будто ожилъ. Во рту стало еще слаще, и слюна набиралась неудержимо, но щеки немного порозовѣли и въ глазахъ заискрилось прежнее, немного дикое лукавство. Одѣваясь, онъ спросилъ чиновника:

— Кто будетъ вѣшать-то? Новый? Поди, еще руку не набилъ.

— Объ этомъ вамъ нечего безпокоиться — сухо отвѣтилъ чиновникъ.

— Какъ же не безпокоиться, ваше благородіе, вѣшать-то будутъ меня, а не васъ. Вы хоть мыла-то казеннаго на удавочку не пожалѣйте.

— Хорошо, хорошо, прошу васъ замолчать.

— А то онъ у васъ тутъ все мыло поѣлъ,—указалъ Цыганокъ на надзирателя,—ишь, какъ рожа-то лоснится.

— Молчать!

— Ужъ не пожалѣйте!

Цыганокъ захохоталъ, но во рту становилось все слаще и вдругъ какъ-то странно начали нѣмѣть ноги. Все же, выйдя на дворъ, онъ сумѣлъ крикнуть:

— Карету графа Бенгальскаго!

5. Поцѣлуй и молчи.

Приговоръ относительно пяти террористовъ былъ объявленъ въ окончательной формѣ и въ тотъ же день конфирмованъ. Осужденнымъ не сказали, когда будетъ казнь, но по тому, какъ это дѣлалось обычно они знали, что ихъ повѣсятъ въ эту же ночь или, самое позднее, въ слѣдующую. И когда имъ предложили видѣться на слѣдующій день, т.-е. въ четвергъ, съ родными, они поняли, что казнь будетъ въ пятницу на разсвѣтѣ.

У Тани Ковальчукъ близкихъ родныхъ не было, а тѣ, что и были, находились гдѣ-то въ глуши, въ Малороссіи и едва ли даже знали о судѣ и предстоящей казни; у Муси и Вернера, какъ неизвѣстныхъ, родныхъ совсѣмъ не предполагалось, и только двоимъ, Сергѣю Головину и Василію Каширину, предстояло свиданіе съ родителями. И оба они съ ужасомъ и тоскою думали объ этомъ свиданіи, но не рѣшились отказать старикамъ въ послѣднемъ разговорѣ, въ послѣднемъ поцѣлуѣ.

Особенно мучился предстоящимъ свиданіемъ Сергѣй Головинъ. Онъ очень любилъ отца своего и мать, еще совсѣмъ недавно видѣлся съ ними и теперь былъ въ ужасѣ,—что это будетъ такое. Самая казнь, во всей ея чудовищной необычности, въ поражающемъ мозгъ безуміи ея—представлялась воображенію легче и казалась не такою страшною, какъ эти нѣсколько минутъ, короткихъ и непонятныхъ, стоящихъ какъ

бы внѣ времени, какъ бы внѣ самой жизни. Какъ смотрѣть — что думать — что говорить — отказывался понять его человѣческій мозгъ. Самое простое и обычное: взять за руку, поцѣловать, сказать: «здравствуй, отецъ»,—казалось непостижимо ужаснымъ въ своей чудовищной, нечеловѣческой, безумной лживости.

Послѣ приговора осужденныхъ не посадили вмѣстѣ, какъ предполагала Ковальчукъ, а оставили каждаго въ своей одиночкѣ; и все утро, до одиннадцати часовъ, когда пришли родители, Сергѣй Головинъ шагалъ бѣшено по камерѣ, щипалъ бородку, морщился жалко и что-то ворчалъ. Иногда на всемъ ходу останавливался, набиралъ полную грудь воздуху и отдувался, какъ человѣкъ, который слишкомъ долго пробылъ подъ водою. Но такъ онъ былъ здоровъ, такъ крѣпко сидѣла въ немъ молодая жизнь, что даже въ эти минуты жесточайшихъ страданій кровь играла подъ кожей и окрашивала щеки, и свѣтло и наивно голубѣли глаза.

Произошло все, однако, гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ Сергѣй.

Первымъ вошелъ въ комнату, гдѣ происходило свиданіе, отецъ Сергѣя, полковникъ въ отставкѣ, Николай Сергѣевичъ Головинъ. Былъ онъ весь ровно бѣлый, лицо, борода, волосы и руки, какъ будто снѣжную статую обрядили въ человѣческое платье; и все тотъ же былъ сюртучекъ, старенькій, но хорошо вычищенный, пахнущій бензиномъ, съ новенькими поперечными погонами; и вошелъ онъ твердо, парадно, крѣпкими, отчетливыми шагами. Протянулъ бѣлую сухую руку и громко сказалъ:

— Здравствуй, Сергѣй!

За нимъ мелко шагала мать и странно улыбалась. Но тоже пожала руку и громко повторила:

— Здравствуй, Сереженька!

Поцѣловала въ губы — и молча сѣла. Не бросилась, не заплакала, не закричала, не сдѣлала чего то ужаснаго, чего ожидалъ Сергѣй,—а поцѣловала и, молча,

сѣла. И даже расправила дрожащими руками черное шелковое платье.

Сергѣй не зналъ, что всю предыдущую ночь, затворившись въ своемъ кабинетикѣ, полковникъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ обдумывалъ этотъ ритуалъ. Не отягчить, а облегчить должны мы послѣднюю минуту нашему сыну, — твердо рѣшилъ полковникъ и тщательно взвѣшивалъ каждую возможную фразу завтрашняго разговора, каждое движеніе. Но иногда запутывался, терялъ и то, что успѣлъ приготовить, и горько плакалъ въ углу клеенчатаго дивана. А утромъ объяснилъ женѣ, какъ нужно держать себя на свиданіи.

— Главное, поцѣлуй — и молчи! — училъ онъ. — Потомъ можешь и говорить, нѣсколько спустя, а когда поцѣлуешь, то молчи. Не говори сразу послѣ поцѣлуя, понимаешь? а то скажешь не то, что слѣдуетъ.

— Понимаю, Николай Сергѣевичъ,—отвѣчала мать плача.

— И не плачь. Избавь тебя Господи плакать! Да ты его убьешь, если плакать будешь, старуха!

— А зачѣмъ же ты самъ плачешь?

— Съ вами заплачешь! Не должна плакать, слышишь?

— Хорошо, Николай Сергѣевичъ.

На извозчикѣ онъ хотѣлъ еще разъ повторить наставленіе, но позабылъ. И такъ и ѣхали они молча, согнувшись, оба сѣдые и старые, и думали, а городъ весело шумѣлъ: была масляная недѣля, и на улицахъ было шумно и людно.

Сѣли. Полковникъ сталъ въ приготовленной позѣ, заложивъ правую руку за бортъ сюртука. Сергѣй посидѣлъ одно мгновеніе, встрѣтилъ близко морщинистое лицо матери и вскочилъ.

— Посиди, Сереженька,—попросила мать.

— Сядь, Сергѣй,—подтвердилъ отецъ.

Помолчали. Мать странно улыбалась.

— Какъ мы хлопотали за тебя, Сереженька. Отецъ...

— Напрасно это, мамочка...

Полковникъ твердо сказалъ:

— Мы должны были сдѣлать это, Сергѣй, чтобы ты не думалъ что родители оставили тебя.

Опять помолчали. Было страшно произнести слово, какъ будто каждое слово въ языкѣ потеряло свое значеніе и значило только одно: смерть. Сергѣй посмотрѣлъ на чистенькій, пахучій бензиномъ, сюртучекъ отца и подумалъ: теперь денщика нѣтъ, значитъ, онъ самъ его чистилъ. Какъ же это я раньше не замѣчалъ, когда онъ чиститъ сюртукъ? Утромъ, должно быть. И вдругъ спросилъ:

— А какъ сестра? Здорова?

— Ниночка ничего не знаетъ,—поспѣшно отвѣтила мать.

Но полковникъ строго остановилъ ее:

— Зачѣмъ лгать? Дѣвочка прочла въ газетахъ. Пусть Сергѣй знаетъ, что всѣ... близкіе его... въ это время... думали и...

Дальше онъ не сумѣлъ продолжать и остановился. Вдругъ лицо матери, какъ-то сразу, смялось, расплылось, заколыхалось, стало мокрымъ и дикимъ. Выцвѣтшіе глаза безумно таращились, дыханіе дѣлалось все чаще и короче и громче.

— Се... Сер... Се... Се... —повторяла она, не сдвигая губъ. Се...

— Мамочка!

Полковникъ шагнулъ впередъ и весь трясясь, каждой складкой своего сюртука, каждою морщинкою лица, не понимая, какъ самъ онъ ужасенъ въ своей мертвенной бѣлизнѣ, въ своей вымученной отчаянной твердости, заговорилъ женѣ:

— Молчи! Не мучь его! Не мучь! Не мучь! Ему умирать! Не мучь!

Испуганная, она уже молчала, а онъ все еще сдержанно трясъ передъ грудью сжатыми кулаками и твердилъ:

— Не мучь!

Потомъ отошелъ назадъ, заложилъ за бортъ сюртука дрожащую руку и громко, съ выраженіемъ усиленнаго спокойствія, спросилъ бѣлыми губами:

— Когда?

— Завтра, утромъ—такими же бѣлыми губами отвѣтилъ Сергѣй.

Мать смотрѣла внизъ, жевала губами и какъ будто ничего не слышала. И, продолжая жевать, точно выронила простыя и странныя слова:

— Ниночка велѣла поцѣловать тебя, Сереженька.

— Поцѣлуй ее отъ меня,—сказалъ Сергѣй.

— Хорошо. Еще Хвостовы тебѣ кланяются.

— Какіе Хвостовы? Ахъ, да!

Полковникъ перебилъ:

Ну, надо итти. Поднимайся, мать, надо.

Вдвоемъ они подняли ослабѣвшую мать.

— Простись!—приказалъ полковникъ.—Перекрести.

Она сдѣлала все, что ей говорили. Но крестя и цѣлуя сына коротким поцѣлуемъ, она качала головою и твердила безсмысленно:

— Нѣтъ, это не такъ. Нѣтъ, не такъ. Нѣтъ, нѣтъ. Какъ же я потомъ? Какъ же я скажу? Нѣтъ, не такъ.

— Прощай, Сергѣй!—сказалъ отецъ. Они пожали руки и крѣпко, но коротко поцѣловались.

— Ты...—началъ Сергѣй.

— Ну?—отрывисто спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, не такъ. Нѣтъ, нѣтъ. Какъ же я скажу?—твердила мать, покачивая головою. Она уже опять успѣла сѣсть и вся покачивалась.

— Ты...—опять началъ Сергѣй. Вдругъ лицо его жалко, по ребячьи сморщилось и глаза сразу залило слезами. Сквозь ихъ искрящуюся грань онъ близко увидѣлъ бѣлое лицо отца съ такими же глазами.

— Ты, отецъ, благородный человѣкъ.

— Что ты! Что ты! — испугался полковникъ. И вдругъ, точно сломавшись, упалъ головою на плечо къ сыну. Былъ онъ когда-то выше Сергѣя, а теперь

сталъ низенькимъ, и пушистая, сухая голова бѣленькимъ комочкомъ лежала на плечѣ сына. И оба молча жадно цѣловали: Сергѣй пушистые бѣлые волосы, а онъ арестантскій халатъ.

— А я?—вдругъ сказалъ громкій голосъ.

Оглянулись: мать стояла и, закинувъ голову, смотрѣла съ гнѣвомъ, почти съ ненавистью.

— Что ты, мать?—крикнулъ полковникъ.

— А я?—говорила она, качая головою, съ безумной выразительностью.—Вы цѣлуетесь, а я? Мужчины, да? А я? А я?

— Мамочка!—бросился къ ней Сергѣй.

Тутъ было то, о чемъ нельзя и не надо разсказывать.

Послѣдними словами полковника были:

— Благословляю тебя на смерть, Сережа. Умри храбро, какъ офицеръ.

И они ушли. Какъ-то ушли. Были, стояли, говорили—и вдругъ ушли. Вотъ здѣсь сидѣла мать, вотъ здѣсь стоялъ отецъ—и вдругъ, какъ-то, ушли. Вернувшись въ камеру, Сергѣй легъ на койку, лицомъ къ стѣнѣ, чтобы укрыться отъ солдатъ, и долго плакалъ. Потомъ усталъ отъ слезъ и крѣпко уснулъ.

Къ Василію Каширину пришла только мать—отецъ, богатый торговецъ, не пожелалъ прійти. Василій встрѣтилъ старуху, шагая по комнатѣ и дрожа отъ холода, хотя было тепло и даже жарко. И разговоръ былъ короткій, тяжелый.

— Не стоило вамъ, мамаша, приходить. Только себя и меня измучаете.

— Зачѣмъ ты это, Вася! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ! Господи!—Старуха заплакала, утираясь кончиками чернаго шерстяного платка. И съ привычкою, которая была у него и его братьевъ, кричать на мать, которая ничего не понимаетъ, онъ остановился и, дрожа отъ холода, сердито заговорилъ:

— Ну вотъ! Такъ я и зналъ! Вѣдь вы же ничего не понимаете, мамаша! Ничего!

— Ну, ну, хорошо. Что тебѣ—холодно?

— Холодно...—отрѣзалъ Василій и опять зашагалъ, искоса, сердито глядя на мать.

— Можетъ, простудился?

— Ахъ, мамаша, какая тутъ простуда, когда...

И безнадежно махнулъ рукою. Старуха хотѣла сказать: «а нашъ-то, съ понедѣльника велѣлъ блины ставить», но испугалась и заголосила:

— Говорила я ему: вѣдь сынъ вѣдь, пойди, дай отпущеніе. Нѣтъ, уперся, старый козелъ...

— Ну его къ чорту. Какой онъ мнѣ отецъ! Какъ былъ всю жизнь мерзавцемъ, такъ и остался.

— Васенька, это про отца-то!—старуха вся укоризненно вытянулась.

— Про отца.

— Про родного отца!

— Какой онъ мнѣ родной отецъ.

Было дико и нелѣпо. Впереди стояла смерть, а тутъ выростало что-то маленькое, пустое, ненужное и слова трещали, какъ пустая скорлупа орѣховъ подъ ногою. И почти плача—отъ тоски, отъ того вѣчнаго непониманія, которое стѣною всю жизнь стояло между нимъ и близкими, и теперь, въ послѣдній предсмертный часъ, дико таращило свои маленькіе глупые глаза—Василій закричалъ:

— Да поймите же вы, что меня вѣшать будутъ! Вѣшать! Понимаете или нѣтъ? Вѣшать!

— А ты бы не трогалъ людей, тебя бы...—кричала старуха.

— Господи! Да что же это! Вѣдь этого даже у звѣрей не бываетъ. Сынъ я вамъ или нѣтъ?

Онъ заплакалъ и сѣлъ въ уголъ. Заплакала и старуха въ своемъ углу. Безсильные хоть на мгновеніе слиться въ чувствѣ любви и противопоставить его ужасу грядущей смерти, плакали они холодными не согрѣвающими сердца слезами одиночества. Мать сказала:

— Ты вотъ говоришь, мать я тебѣ или нѣтъ, упрекаешь. А я за эти дни совсѣмъ посѣдѣла, старухой стала. А ты говоришь, упрекаешь.

— Ну хорошо, хорошо, мамаша. Простите. Итти вамъ надо. Братьевъ тамъ поцѣлуйте.

— Развѣ я не мать? Развѣ мнѣ не жалко?

Наконецъ ушла. Плакала горько, утираясь кончиками платка, не видѣла дороги. И чѣмъ дальше отходила отъ тюрьмы, тѣмъ горючѣе лились слезы. Пошла назадъ къ тюрьмѣ, потомъ заблудилась дико въ городѣ, гдѣ родилась, выросла, состарилась. Забрела въ какой-то пустынный садикъ съ нѣсколькими старыми, обломанными деревьями, и сѣла на мокрой оттаявшей лавочкѣ, И вдругъ поняла: его завтра будутъ вѣшать.

Старуха вскочила, хотѣла бѣжать, но вдругъ крѣпко закружилась голова, и она упала. Ледяная дорожка обмокла, была скользкая, и старуха никакъ не могла подняться: вертѣлась, приподнималась на локтяхъ и колѣнахъ, и снова валилась на бокъ. Черный платокъ сползъ съ головы, открывъ на затылкѣ лысину среди грязно-сѣдыхъ волосъ; и почему-то чудилось ей, что она пируетъ на свадьбѣ: женятъ сына и она выпила вина и захмелѣла сильно.

— Не могу. Ей же Богу, не могу!—отказывалась она, мотая головою, и ползала по ледяному мокрому насту, а ей все лили вино, все лили.

И уже больно становилось сердцу отъ пьянаго смѣха, отъ угощеній, отъ дикаго пляса,—а ей все лили вино. Все лили.

6. Часы бѣгутъ.

Въ крѣпости, гдѣ сидѣли осужденные террористы, находилась колокольня съ старинными часами. Каждый часъ, каждые полчаса, каждую четверть часы вызва-

нивали что-то тягучее, что-то печальное, медленно тающее въ высотѣ, какъ отдаленный и жалобный кликъ перелетныхъ птицъ. Днемъ эта странная и печальная музыка терялась въ шумѣ города, большой и людной улицы, проходившей возлѣ крѣпости. Гудѣли трамваи, чокали копыта лошадей, далеко впередъ кричали покачивающіеся автомобили; на масленицу изъ окрестностей города понаѣхали особенные масленичные извозчики-крестьяне, и бубенцы на шеѣ ихъ малорослыхъ лошаденокъ наполняли воздухъ жужжаніемъ. И говоръ стоялъ: немного пьяный, веселый, масленичный говоръ; и такъ шла къ разноголосицѣ молодая весенняя оттепель, мутныя лужи на панели, вдругъ почернѣвшія деревья сквера. Съ моря, широкими, влажными порывами дулъ теплый вѣтеръ: казалось, глазами можно было видѣть, какъ въ дружномъ полетѣ уносятся въ безбрежную свободную даль крохотныя, свѣжія частички воздуха и смѣются, летя.

Ночью улица затихала въ одинокомъ свѣтѣ большихъ электрическихъ солнцъ. И тогда огромная крѣпость, въ плоскихъ стѣнахъ которой не было ни одного огонька, уходила въ мракъ и тишину, чертою молчанія, неподвижности и тьмы отдѣляла себя отъ вѣчно живого, движущагося города. И тогда слышенъ становился бой часовъ; чуждая землѣ, медленно и печально рождалась и гасла въ высотѣ странная мелодія. Снова рождалась, обманывая ухо, звенѣла жалобно и тихо— обрывалась — снова звенѣла. Какъ большія, прозрачныя, стеклянныя капли, съ невѣдомой высоты, падали въ металлическую, тихо звенящую чашу часы и минуты. Или перелетныя птицы летѣли.

Въ камеры, гдѣ сидѣли по одному осужденные, и днемъ, и ночью приносился только одинъ этотъ звонъ. Сквозь крышу, сквозь толщу каменныхъ стѣнъ проникалъ онъ, колебля тишину, — уходилъ незамѣтно, чтобы снова, также незамѣтно, прійти. Иногда о немъ забывали и не слышали его; иногда съ отчаяніемъ ждали его, живя отъ звона и до звона, уже не довѣряя

тишинѣ. Только для важныхъ преступниковъ была предназначена тюрьма, особенныя были въ ней правила, суровыя, твердыя и жесткія, какъ уголъ крѣпостной стѣны; и если въ жестокости есть благородство, то была благородна глухая, мертвая, торжественно нѣмая тишина, ловящая шорохи и легкое дыханіе.

И въ этой торжественной тишинѣ, колеблемой печальнымъ звономъ убѣгающихъ минутъ, отдѣленные отъ всего живого, пять человѣкъ, двѣ женщины и трое мущинъ, ожидали наступленія ночи, разсвѣта и казни, и каждый, по своему, готовились къ ней.

7. Смерти нѣтъ.

Какъ во всю жизнь свою Таня Ковальчукъ думала только о другихъ, и никогда о себѣ, такъ и теперь только за другихъ мучалась она и тосковала сильно. Смерть она представляла себѣ постольку, поскольку предстоитъ она, какъ нѣчто мучительное, для Сережи Головина, для Муси, для другихъ—ея же самой она какъ бы не касалась совсѣмъ.

И вознаграждая себя за вынужденную твердость на судѣ, она цѣлыми часами плакала—какъ умѣютъ плакать старыя женщины, знавшія много горя, или молодые, но очень жалостливые, очень добрые люди. И предположеніе о томъ, что у Сережи можетъ не оказаться табаку, а Вернеръ можетъ быть лишенъ своего привычнаго крѣпкаго чаю, и это еще вдобавокъ къ тому, что они должны умереть—мучило ее, пожалуй, не меньше, чѣмъ самая мысль о казни. Казнь, это что-то неизбѣжное, и даже постороннее, о чемъ и думать не стоитъ, а если у человѣка въ тюрьмѣ, да еще передъ казнью, нѣтъ табаку, это совсѣмъ невыносимо. Вспоминала, перебирала милыя подробности совмѣст-

наго житья и замирала отъ страха, воображая встрѣчу Сергѣя съ родителями.

И особенною жалостью жалѣла она Мусю. Уже давно ей казалось, что Муся любитъ Вернера, и хотя это была совершенная неправда, все же мечтала для нихъ обоихъ о чемъ-то хорошемъ и свѣтломъ. На свободѣ Муся носила серебрянное колечко, на которомъ былъ изображенъ черепъ, кость и терновый вѣнецъ вокругъ нихъ; и часто, съ болью, смотрѣла Таня Ковальчукъ на это кольцо, какъ на символъ обреченности, и то шутя, то серьезно упрашивала Мусю снять его.

— Подари его мнѣ,—упрашивала она.

— Нѣтъ, Танечка, не подарю. А у тебя скоро на пальцѣ другое кольцо будетъ.

Почему-то, въ свою очередь, о ней думали, что она непремѣнно и въ скоромъ времени должна выйти замужъ, и это обижало ее,—никакого мужа она не хотѣла. И вспоминая эти полушутливые разговоры свои съ Мусей, и то, что Муся теперь дѣйствительно обречена, она задыхалась отъ слезъ, отъ материнской жалости. И всякій разъ, какъ били часы, поднимала заплаканное лицо и прислушивалась—какъ тамъ, въ тѣхъ камерахъ, принимаютъ этотъ тягучій, настойчивый зовъ смерти.

А Муся была счастлива.

Заложивъ за спину руки, въ большомъ, не по росту, арестантскомъ халатѣ, дѣлающимъ ее странно похожей на мужчину, на мальчика-подростка, одѣвшагося въ чужое платье, она шагала ровно и неутомимо. Рукава халата были ей длинны, и она отвернула ихъ, и тонкія, почти дѣтскія, исхудалыя руки выходили изъ широкихъ отверстій, какъ стебли цвѣтка изъ отверстія грубаго, грязнаго кувшина. Тонкую бѣлую шею шерстила и натирала жесткая матерія, и изрѣдка, движеніемъ обѣихъ рукъ, Муся высвобождала горло и осторожно нащупывала пальцемъ то мѣсто, гдѣ краснѣла и саднѣла раздраженная кожа.

Муся шагала—и оправдывалась передъ людьми, волнуясь и краснѣя. И оправдывалась она въ томъ, что ее, молоденькую, незначительную, сдѣлавшую такъ мало и совсѣмъ не героиню, подвергнутъ той самой почетной и прекрасной смерти, какою умирали до нея настоящіе герои и мученики. Съ непоколебимой вѣрой въ людскую доброту, въ сочувствіе, въ любовь, она представляла себѣ, какъ теперь волнуются изъ-за нея люди, какъ мучаются, какъ жалѣютъ—и ей было совѣстно до красноты. Точно, умирая на висѣлицѣ, она совершала какую-то огромную неловкость.

Она уже просила при послѣднемъ свиданіи своего защитника, чтобы онъ досталъ ей яду, но вдругъ спохватилась: а если онъ и другіе подумаютъ, что это она изъ рисовки, или изъ трусости, и вмѣсто того, чтобы умереть скромно и незамѣтно, надѣлаетъ шуму еще больше? И торопливо добавила:

— Нѣтъ, впрочемъ, не надо.

И теперь она хотѣла только одного: объяснить людямъ и доказать имъ точно, что она не героиня, что умирать вовсе не страшно, и чтобы о ней не жалѣли и не заботились. Объяснить имъ, что она вовсе не виновата въ томъ, что ее, молоденькую, незначительную, подвергаютъ такой смерти и поднимаютъ изъ-за нея столько шуму.

Какъ человѣкъ, котораго дѣйствительно обвиняютъ, Муся искала оправданій, пыталась найти хоть что-нибудь, что возвысило бы ея жертву, придало ей настоящую цѣну. Разсуждала:

— Конечно, я молоденькая и могла бы еще долго жить. Но?..

И какъ меркнетъ свѣча въ блескѣ взошедшаго солнца, тусклой и темной казалась молодость и жизнь передъ тѣмъ великимъ и лучезарнымъ, что должно озарить ея скромную голову. Нѣтъ оправданія.

Но быть можетъ то особенное, что она носитъ въ душѣ—безграничная любовь, безграничная готовность къ подвигу, безграничное пренебреженіе къ себѣ?

Вѣдь она, дѣйствительно, не виновата, что ей не дали сдѣлать всего, что она могла и хотѣла—убили ее на порогѣ храма, у подножія жертвенника.

Но если это такъ, если человѣкъ цѣненъ не только потому, что онъ сдѣлалъ, а и потому, что онъ хотѣлъ слѣлать—тогда... тогда она достойна мученическаго вѣнца.

— Неужели?—думаетъ Муся стыдливо. Неужели я достойна? Достойна того, чтобы обо мнѣ плакали люди волновались, обо мнѣ, такой маленькой и незначительной?

И несказанная радость охватываетъ ее. Нѣтъ ни сомнѣній, ни колебаній, она принята въ лоно, она правомѣрно вступаетъ въ ряды тѣхъ свѣтлыхъ, что извѣка черезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу. Ясный миръ и покой и безбрежное, тихо сіяющее счастье. Точно отошла она уже отъ земли, и приблизилась къ невѣдомому солнцу правды и жизни и безплотно паритъ въ его свѣтѣ.

— И это—смерть. Какая же это смерть?—думаетъ Муся блаженно.

И если бы собрались къ ней въ камеру со всего свѣта ученые, философы и палачи, разложили передъ нею книги, скальпели, топоры и петли, и стали доказывать, что смерть существуетъ, что человѣкъ умираетъ и убивается, что безсмертія нѣтъ,—они только удивили бы ее. Какъ безсмертія нѣтъ, когда уже сейчасъ она безсмертна? О какомъ же еще безсмертіи, о какой еще смерти можно говорить, когда уже сейчасъ она мертва и безсмертна, жива въ смерти, какъ была жива въ жизни?

И если бы къ ней въ камеру, наполняя ее зловоніемъ, внесли гробъ съ ея собственнымъ разлагающимся тѣломъ и сказали:

— Смотри! Это ты!

Она посмотрѣла бы и отвѣтила:

— Нѣтъ. Это не я.

И когда ее стали бы убѣждать, пугая зловѣщимъ видомъ разложенія, что это она—она!—Муся отвѣтила бы съ улыбкой:

— Нѣтъ. Это вы думаете, что это—я, но это не я. Я та, съ которой вы говорите, какъ же я могу быть этимъ?

— Но ты умрешь и станешь этимъ.

— Нѣтъ, я не умру.

— Тебя казнятъ. Вотъ петля.

— Меня казнятъ, но я не умру. Какъ могу я умереть, когда уже сейчасъ я—безсмертна?

И отступили бы ученые, философы и палачи, говоря съ содроганіемъ:

— Не касайтесь этого мѣста. Это мѣсто—свято.

О чемъ еще думала Муся? О многомъ думала она—ибо нить жизни не обрывалась для нея смертью, и плелась спокойно и ровно. Думала о товарищахъ—и о тѣхъ далекихъ, что съ тоскою и болью переживаютъ ихъ казнь, и о тѣхъ близкихъ, что вмѣстѣ взойдутъ на эшафотъ. Удивлялась Василію, чего онъ такъ испугался—онъ всегда былъ очень храбръ и даже могъ шутить со смертью. Такъ еще утромъ, во вторникъ когда они надѣвали съ Василіемъ на пояса разрывные снаряды, которые черезъ нѣсколько часовъ должны были взорвать ихъ самихъ, у Тани Ковальчукъ руки дрожали отъ волненія, и ее пришлось отстранить, а Василій шутилъ, паясничалъ, вертѣлся, былъ такъ неосторожен даже, что Вернеръ строго сказалъ:

— Не нужно фамильярничать со смертью.

Чего же теперь онъ испугался? Но такъ чуждъ душѣ Муси былъ этотъ непонятный страхъ, что скоро она перестала думать о немъ и разыскивать причину—вдругъ отчаянно захотѣлось увидѣть Сережу Головина и о чемъ-то посмѣяться съ нимъ. Подумала—и еще отчаяннѣе захотѣлось увидѣть Вернера и въ чемъ-то убѣдить его. И, представляя, что Вернеръ ходитъ рядомъ съ нею своею четкой, размѣренной, вбивающей каблуки въ землю походкой, Муся говорила ему:

— Нѣтъ, Вернеръ, голубчикъ, это все пустяки, это совсѣмъ не важно, убилъ ты NN или нѣтъ. Ты умный, но ты точно въ свои шахматы играешь: взять одну

фигуру, взять другую, тогда и выиграно. Здѣсь важно, Вернеръ, что мы сами готовы умереть. Понимаешь? Вѣдь эти господа что думаютъ? Что нѣтъ ничего страшнѣе смерти. Сами выдумали смерть, сами ея боятся и насъ пугаютъ. Мнѣ бы даже такъ хотѣлось: выйти одной передъ цѣлымъ полкомъ солдатъ и начать стрѣлять въ нихъ изъ браунинга. Пусть я одна, а ихъ тысячи, и я никого не убью. Это-то и важно, что ихъ тысячи. Когда тысячи убиваютъ одного, то значитъ побѣдилъ этотъ одинъ. Это правда, Вернеръ, голубчикъ.

Но и это было такъ ясно, что не захотѣлось доказывать дальше—Вернеръ теперь и самъ понялъ, навѣрное. А можетъ, и просто не хотѣлось ея мысли останавливаться на одномъ — какъ легко парящей птицѣ, которой видимы безбрежные горизонты, которой доступны весь просторъ, вся глубина, вся радость ласкающей и нѣжной синевы. Звонили часы непрестанно, колебля глухую тишину; и въ этотъ гармоничный отдаленно прекрасный звукъ вливались мысли, и тоже начинали звенѣть; и музыкою становились плавно скользящіе образы. Словно тихою темною ночью ѣхала куда-то Муся по широкой и ровной дорогѣ, и покачивались мягкіе рессоры и бубенцы звенѣли. Отошли всѣ тревоги и волненія, растворилось во тьмѣ усталое тѣло и радостно-усталая мысль спокойно творила яркіе образы, упивалась ихъ красками и тихимъ покоемъ. Вспомнила Муся трехъ товарищей своихъ, повѣшенныхъ недавно, и лица ихъ были ясны и радостны и близки—ближе тѣхъ уже, что въ жизни. Такъ утромъ радостно думаетъ человѣкъ о домѣ своихъ друзей куда войдетъ онъ вечеромъ съ привѣтомъ на смѣющихся устахъ.

Очень устала Муся ходить. Прилегла осторожно на койку и продолжала грезить съ легко закрытыми глазами. Звонили часы непрестанно, колебля нѣмую тишину, и въ ихъ звенящихъ берегахъ тихо плыли свѣтлые поющіе образы. Муся думала:

— Неужели это смерть? Боже мой, какъ она пре-

красна! Или это жизнь? Не знаю, не знаю. Буду смотрѣть и слушать.

Уже давно, съ первыхъ дней заключенія, началъ фантазировать ея слухъ. Очень музыкальный, онъ обострялся тишиною и на фонѣ ея изъ скудныхъ крупицъ дѣйствительности, съ ея шагами часовыхъ въ корридорѣ, звономъ часовъ, шелестомъ вѣтра на желѣзной крышѣ, скрипомъ фонаря, творилъ цѣлыя музыкальныя картины. Сперва Муся боялась ихъ, отгоняла отъ себя, какъ болѣзненныя галлюцинаціи, потомъ поняла, что сама она здорова и никакой болѣзни тутъ нѣтъ— и стала отдаваться имъ спокойно.

И теперь—вдругъ совершенно ясно и отчетливо она услыхала звуки военной музыки. Въ изумленіи она открыла глаза, приподняла голову—за окномъ стояла ночь и часы звонили. Опять, значитъ!—подумала она спокойно и закрыла глаза. И какъ только закрыла, музыка заиграла снова. Ясно слышно, какъ изъ-за угла зданія, справа, выходятъ солдаты цѣлый полкъ, и проходятъ мимо окна. Ноги равномѣрно отбиваютъ тактъ по мерзлой землѣ: разъ-два! разъ-два!— слышно даже, какъ поскрипываетъ иногда кожа на сапогѣ, вдругъ оскользается и тутъ же выправляется чья-то нога. И музыка ближе: совершенно незнакомый, но очень громкій и бодрый праздничный маршъ. Очевидно, въ крѣпости какой-то праздникъ.

Вотъ оркестръ поровнялся съ окномъ, и вся камера полна веселыхъ, ритмичныхъ, дружно разноголосыхъ звуковъ. Одна труба большая, мѣдная, рѣзко фальшивитъ, то запаздываетъ, то смѣшно забѣгаетъ впередъ— Муся видитъ солдатика съ этой трубой, его старательную физіономію, и смѣется.

Все удаляется. Замираютъ шаги: разъ-два! разъ-два! Издалека музыка еще красивѣе и веселѣе. Еще разъ-другой громко и фальшиво-радостно вскрикиваетъ мѣднымъ голосомъ труба, и все гаснетъ. И снова на колокольнѣ вызваниваютъ часы, медленно, печально, еле еле колебля тишину.

— Ушли!—думаетъ Муся съ легкой грустью. Ей жаль ушедшихъ звуковъ, такихъ веселыхъ и смѣшныхъ; жаль даже ушедшихъ солдатиковъ, потому что эти старательные, съ мѣдными трубами, съ поскрипывающими сапогами совсѣмъ иные, совсѣмъ не тѣ, въ кого хотѣла бы она стрѣлять изъ браунинга.

— Ну, еще!—проситъ она ласково. И приходятъ еще. Склоняются надъ нею, окружаютъ ее прозрачнымъ облакомъ и поднимаютъ вверхъ, туда, гдѣ несутся перелетныя птицы и кричатъ, какъ герольды. Направо, налѣво, вверхъ и внизъ—кричатъ, какъ герольды. Зовутъ, оповѣщаютъ, далеко возвѣщаютъ о полетѣ своемъ. Широко машутъ крылами и тьма ихъ держитъ, какъ держитъ ихъ и свѣтъ; и на выпуклыхъ грудяхъ, разрѣзающихъ воздухъ, отсвѣчиваетъ снизу голубымъ сіяющій городъ. Все ровнѣе бьется сердце, все спокойнѣе и тише дыханіе Муси. Она засыпаетъ. Лицо устало и блѣдно; подъ глазами круги и такъ тонки дѣвичьи исхудалыя руки,—а на устахъ улыбка. Завтра, когда будетъ всходить солнце, это человѣческое лицо исказится нечеловѣческой гримасой, зальется густою кровью мозгъ и вылѣзутъ изъ орбитъ остеклянѣвшіе глаза—но сегодня она спитъ тихо и улыбается въ великомъ безсмертіи своемъ.

Заснула Муся.

А въ тюрьмѣ идетъ своя жизнь, глухая и чуткая, слѣпая и зоркая, какъ сама вѣчная тревога. Гдѣ-то ходятъ. Гдѣ-то шепчутъ. Гдѣ-то звякнуло ружье. Кажется, кто-то крикнулъ. А можетъ быть и никто не кричалъ—просто чудится отъ тишины.

Вотъ безшумно отпала форточка въ двери—въ темномъ отверстіи показывается темное усатое лицо. Долго и удивленно таращитъ на Мусю глаза—и пропадаетъ безшумно, какъ явилось.

Звонятъ и поютъ куранты—долго, мучительно. Точно на высокую гору ползутъ къ полуночи усталые часы и все труднѣе и тяжелѣе подъемъ. Обрываются,

скользятъ, летятъ со стономъ внизъ—и вновь мучительно ползутъ къ своей черной вершинѣ.

Гдѣ-то ходятъ. Гдѣ-то шепчутъ. И уже впрягаютъ коней въ черныя безъ фонарей кареты.

8. Есть и смерть, есть и жизнь.

О смерти Сергѣй Головинъ никогда не думалъ, какъ о чемъ-то постороннемъ и его совершенно не касающемся. Онъ былъ крѣпкій, здоровый веселый юноша, одаренный той спокойной и ясной жизнерадостностью, при которой всякая дурная, вредная для жизни мысль или чувство быстро и безслѣдно исчезаютъ въ организмѣ. Какъ быстро заживали у него всякіе порѣзы раны и уколы, такъ и все тягостное, ранящее душу, немедленно выталкивалось наружу и уходило. И во всякое дѣло или даже забаву, была ли то фотографія, велосипедъ или приготовленіе къ террористическому акту, онъ вносилъ ту же спокойную и жизнерадостную серьезность: все въ жизни весело, все въ жизни важно, все нужно дѣлать хорошо.

И все онъ дѣлалъ хорошо: великолѣпно управлялся съ парусомъ, стрѣлялъ изъ револьвера прекрасно; былъ крѣпокъ въ дружбѣ, какъ и въ любви, и фанатически вѣрилъ въ «честное слово». Свои смѣялись надъ нимъ, что если сыщикъ, рожа, завѣдомый шпіонъ дастъ ему честное слово, что онъ не сыщикъ—Сергѣй повѣритъ ему и пожметъ товарищески руку. Одинъ былъ недостатокъ: былъ увѣренъ, что поетъ хорошо, тогда какъ слуху не имѣлъ ни малѣйшаго, пѣлъ отвратительно и фальшивилъ даже въ революціонныхъ пѣсняхъ; и обижался, когда смѣялись.

Или вы всѣ ослы, или я оселъ,—говорилъ онъ серьезно и обиженно. И такъ же серьезно, подумавъ, всѣ рѣшали:

— Ты оселъ. По голосу слышно.

Но за недостатокъ этотъ, какъ иногда бываетъ съ хорошими людьми, его любили, пожалуй, даже больше, чѣмъ за достоинства.

Смерти онъ настолько не боялся и настолько не думалъ о ней, что въ роковое утро, передъ уходомъ изъ квартиры Тани Ковальчукъ, онъ одинъ, какъ слѣдуетъ, съ аппетитомъ, позавтракалъ: выпилъ два стакана чаю, наполовину разбавленнаго молокомъ и съѣлъ цѣлую пятикопѣечную булку. Потомъ посмотрѣлъ съ грустью на нетронутый хлѣбъ Вернера и сказалъ.

— А ты что же не ѣшь? Ѣшь, подкрѣпиться надо.

— Не хочется.

— Ну такъ я съѣмъ. Ладно?

— Ну, и аппетитъ же у тебя, Сережа.

Вмѣсто отвѣта, Сергѣй, съ набитымъ ртомъ глухо и фальшиво запѣлъ.

— Вихри враждебные вѣютъ надъ нами...

Послѣ ареста онъ было загрустилъ: сдѣлано не хорошо, провалились, но подумалъ: «есть теперь другое, что нужно сдѣлать хорошо—умереть», и развеселился. И какъ ни странно, со второго же утра въ крѣпости началъ заниматься гимнастикой по необыкновенно раціональной системѣ какого-то нѣмца Мюллера, которой увлекался: раздѣлся голый и, къ тревожному удивленію наблюдавшаго часового, аккуратно продѣлалъ всѣ предписанныя восемнадцать упражненій. И то, что часовой наблюдалъ и, видимо, удивлялся, было ему пріятно, какъ пропагандисту мюллеровской системы; и хотя зналъ, что отвѣта не получитъ, все же сказалъ торчащему въ окошечкѣ глазу:

— Хорошо, братъ, укрѣпляетъ. Вотъ бы у васъ въ полку ввести что надо,—крикнулъ онъ убѣждающе и кротко, чтобы не испугать, не подозрѣвая, что солдатъ считаетъ его просто сумасшедшимъ.

Страхъ смерти началъ являться къ нему постепенно и какъ-то толчками: точно возьметъ кто и снизу, изо

всей силы, подтолкнетъ сердце кулакомъ. Скорѣе больно, чѣмъ страшно. Потомъ ощущеніе забудется—и черезъ нѣсколько часовъ явится снова, и съ каждымъ разомъ становится оно все продолжительнѣе и сильнѣе. И уже ясно начинаетъ принимать мутныя очертанія какого-то большого и даже невыносимаго страха.

— Неужели я боюсь?—подумалъ Сергѣй съ удивленіемъ.—Вотъ еще глупости!

Боялся не онъ — боялось его молодое, крѣпкое, сильное тѣло, котораго не удавалось обмануть ни гимнастикой нѣмца Мюллера, ни холодными обтираніями. И чѣмъ крѣпче, чѣмъ свѣжѣе оно становилось послѣ холодной воды, тѣмъ острѣе и невыносимѣе дѣлались ощущенія мгновеннаго страха. И именно въ тѣ минуты, когда на волѣ онъ ощущалъ особый подъемъ жизнерадостности и силы, утромъ, послѣ крѣпкаго сна и физическихъ упражненій — тутъ появлялся этотъ острый, какъ бы чужой страхъ. Онъ замѣтилъ это и подумалъ:

— Глупо, братъ Сергѣй. Чтобы оно умерло легче, его надо ослабить, а не укрѣплять. Глупо!

И бросилъ гимнастику и обтиранья. А солдату въ объясненіе и оправданіе крикнулъ:

— Ты не смотри, что я бросилъ. Штука, братъ, хорошая. Только для тѣхъ, кого вѣшать не годится, а для всѣхъ другихъ очень хорошо.

И, дѣйствительно, стало какъ будто легче. Попробовалъ также поменьше ѣсть, чтобы ослабѣть еще, но несмотря на отсутствіе чистаго воздуха и упражненій, аппетитъ былъ очень великъ, трудно было сладить, съѣдалъ все, что приносили. Тогда началъ дѣлать такъ: еще не принимаясь за ѣду, выливалъ половину горячаго въ ушатъ; и это какъ будто помогло: появилась тупая сонливость, истома.

— Я тебѣ покажу!—грозилъ онъ тѣлу, а самъ съ грустью, нѣжно водилъ рукою по вялымъ обмякшимъ мускуламъ.

Но скоро тѣло привыкло и къ этому режиму, и страхъ смерти появился снова — правда, не такой острый, не такой огневый, но еще болѣе нудный, похожій на тошноту. «Это оттого, что тянутъ долго»— подумалъ Сергѣй—«хорошо бы все это время, до казни, проспать» и старался какъ можно дольше спать. Въ началѣ удавалось, но потомъ оттого ли, что переспалъ онъ или по другой причинѣ, появилась безсонница. И съ нею пришли острыя, зоркія мысли, а съ ними и тоска о жизни.

— Развѣ я ее, дьявола, боюсь?—думалъ онъ о смерти.—Это мнѣ жизни жалко. Великолѣпная вещь, что бы тамъ ни говорили пессимисты. А что, если пессимиста повѣсить? Ахъ, жалко жизни, очень жалко. И зачѣмъ борода у меня выросла? Не росла, не росла, а то вдругъ выросла? И зачѣмъ?

Покачивалъ головою грустно и вздыхалъ продолжительными, тяжелыми вздохами. Молчаніе—и продолжительный, глубокій вздохъ: опять короткое молчаніе—и снова еще болѣе продолжительный, тяжелый вздохъ.

Такъ было до суда и до послѣдняго страшнаго свиданія со стариками. Когда онъ проснулся въ камерѣ съ яснымъ сознаніемъ, что съ жизнью все покончено, что впереди только нѣсколько часовъ ожиданія въ пустотѣ и смерть—стало какъ-то странно. Точно его оголили всего, какъ-то необыкновенно оголили—не только одежду съ него сняли, но отодрали отъ него солнце, воздухъ, шумъ и свѣтъ, поступки и рѣчи. Смерти еще нѣтъ, но нѣтъ уже и жизни, а есть что-то новое, поразительно непонятное, и не то совсѣмъ лишенное смысла, не то имѣющее смыслъ, но такой глубокій, таинственный и нечеловѣческій, что открыть его невозможно.

— Фу ты чортъ!—мучительно удивлялся Сергѣй.— Да что же это такое? Да гдѣ же это я? Я... какой я?

Оглядѣлъ всего себя, внимательно, съ интересомъ, начиная отъ большихъ арестантскихъ туфель, кончая

животомъ, на которомъ оттопыривался халатъ. Прошелся по камерѣ, растопыривъ руки и продолжая оглядывать себя, какъ женщина въ новомъ платьѣ, которое ей длинно. Повертѣлъ головою—вертится. И это, нѣсколько страшное почему-то, есть онъ, Сергѣй Головинъ, и этого—не будетъ.

И все сдѣлалось странно.

Попробовалъ ходить по камерѣ—странно, что ходитъ. Попробовалъ сидѣть—странно, что сидитъ. Попробовалъ выпить воды—странно, что пьетъ, что глотаетъ, что держитъ кружку, что есть пальцы и эти пальцы дрожатъ. Поперхнулся, закашлялся, и кашляя, думалъ: какъ это странно, я кашляю.

— Да что я, съ ума что ли схожу!—подумалъ Сергѣй, холодѣя.—Этого еще недоставало, чтобы чортъ ихъ побралъ!

Потеръ лобъ рукою, но и это было странно. И тогда, не дыша, на цѣлые, казалось, часы онъ замеръ въ неподвижности, гася всякую мысль, удерживая громкое дыханіе, избѣгая всякаго движенія—ибо всякая мысль было безуміе, всякое движеніе было безуміе. Времени не стало, какъ бы въ пространство превратилось оно, прозрачное, безвоздушное въ огромную площадь, на которой все, и земля, и жизнь, и люди; и все это видимо однимъ взглядомъ, все до самаго конца, до загадочнаго обрыва—смерти. И не въ томъ было мученіе, что видна смерть, а въ томъ, что сразу видны и жизнь и смерть. Святотатственною рукою была отдернута завѣса, сызвѣка скрывающая тайну жизни и тайну смерти, и онѣ перестали быть тайной—но не сдѣлались онѣ и понятными, какъ истина, начертанная на невѣдомомъ языкѣ. Не было такихъ понятій въ его человѣческомъ мозгу, не было такихъ словъ на его человѣческомъ языкѣ, которыя могли бы охватить увидѣнное. И слова «мнѣ страшно» звучали въ немъ только потому, что не было иного слова, не существовало и не могло существовать понятія, соотвѣтствующаго этому новому, нечеловѣческому со-

стоянію. Такъ было бы съ человѣкомъ, если бы онъ, оставаясь въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, опыта и чувствъ, вдругъ увидѣлъ самого Бога—увидѣлъ и не понялъ бы, хотя бы и зналъ, что это называется Богъ, и содрогнулся бы неслыханными муками неслыханнаго непониманія.

— Вотъ тебѣ и Мюллеръ!—вдругъ громко, съ чрезвычайной убѣдительностью произнесъ онъ, и качнулъ головою. И съ тѣмъ неожиданнымъ переломомъ въ чувствѣ, на который такъ способна человѣческая душа, весело и искренно захохоталъ.

— Ахъ ты, Мюллеръ! Ахъ ты, мой милый Мюллеръ! Ахъ ты, мой распрекрасный нѣмецъ! И все-таки—ты правъ, Мюллеръ, а я, братъ Мюллеръ, оселъ.

Быстро нѣсколько разъ прошелся по камерѣ и къ новому, величайшему удивленію наблюдавшаго въ глазокъ солдата—быстро раздѣлся до-гола и весело, съ крайней старательностью продѣлалъ всѣ восемнадцать упражненій; вытягивалъ и растягивалъ свое молодое, нѣсколько похудѣвшее тѣло, присѣдалъ, вдыхалъ и выдыхалъ воздухъ, становясь на носки, выбрасывалъ ноги и руки. И послѣ каждаго упражненія говорилъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ это такъ! Вотъ это настоящее, братъ Мюллеръ!—Щеки его раскраснѣлись, изъ поръ выступили капельки горячаго, пріятнаго пота, и сердце стучало крѣпко и ровно.

— Дѣло въ томъ, Мюллеръ,—разсуждалъ Сергѣй выпячивая грудь такъ, что ясно обрисовались ребра подъ тонкой натянутой кожей,—дѣло въ томъ, Мюллеръ, что есть еще девятнадцатое упражненіе—подвѣшиваніе за шею въ неподвижномъ положеніи. И это называется казнь. Понимаешь, Мюллеръ? Берутъ живого человѣка, скажемъ Сергѣя Головина, пеленаютъ его какъ куклу и вѣшаютъ за шею, пока не умретъ. Глупо это, Мюллеръ, но ничего не подѣлаешь—приходится.

Перегнулся на правый бокъ и повторилъ:

— Приходится, братъ Мюллеръ.

9. Ужасное одиночество.

Подъ тотъ же звонъ часовъ, отдѣленный отъ Сергѣя и Муси нѣсколькими пустыми камерами, но одинокій столь тяжко, какъ если бы во всей вселенной существовалъ онъ одинъ, въ ужасѣ и тоскѣ оканчивалъ свою жизнь несчастный Василій Каширинъ.

Потный, съ прилипшей къ тѣлу мокрой рубахой, распустившимися, прежде курчавыми волосами, онъ судорожно и безнадежно метался по камерѣ, какъ человѣкъ, у котораго нестерпимая зубная боль. Присаживался, вновь бѣгалъ, прижимался лбомъ къ стѣнѣ, останавливался и что-то разыскивалъ глазами—словно искалъ лѣкарства. Онъ такъ измѣнился, что какъ будто имѣлись у него два разныхъ лица, и прежнее, молодое, ушло куда-то, а на мѣсто его стало новое, страшное, пришедшее изъ темноты.

Къ нему страхъ смерти пришелъ сразу и овладѣлъ имъ безраздѣльно и властно. Еще утромъ, идя на явную смерть, онъ фамильярничалъ съ нею, а уже къ вечеру, заключенный въ одиночную камеру, былъ закруженъ и захлестнутъ волною бѣшенаго страха. Пока онъ самъ, своею волею, шелъ на опасность и смерть, пока свою смерть, хотя бы и страшную по виду, онъ держалъ въ собственныхъ рукахъ, ему было легко, и весело даже: въ чувствѣ безбрежной свободы, смѣлаго и твердаго утвержденія своей дерзкой и безстрашной воли безслѣдно утопалъ маленькій, сморщенный, словно старушечій страшокъ. Опоясанный адской машиной, онъ самъ какъ бы превратился въ адскую машину, включилъ въ себя жестокій разумъ динамита, присвоилъ себѣ его огненную смертоносную мощь. И идя по улицѣ, среди суетливыхъ, будничныхъ, озабоченныхъ своими дѣлами людей, торопливо спаса-

ющихся отъ извозчичьихъ лошадей и трамвая, онъ казался себѣ пришлецомъ изъ иного, невѣдомаго міра гдѣ не знаютъ ни смерти, ни страха.

И вдругъ, сразу рѣзкая, дикая, ошеломляющая перемѣна. Онъ уже не идетъ, куда хочетъ, а его везутъ—куда хотятъ. Онъ уже не выбираетъ мѣста, а его сажаютъ въ каменную клѣтку и запираютъ на ключъ, какъ вещь. Онъ уже не можетъ выбрать свободно: жизнь или смерть, какъ всѣ люди, а его непремѣнно и неизбѣжно умертвятъ. За мгновеніе бывшій воплощеніемъ воли, жизни и силы, онъ становится жалкимъ образомъ единственнаго въ мірѣ безсилія, превращается въ животное, ожидающее бойни, въ глухую и безгласную вещь, которую можно переставлять, жечь, ломать. Что бы онъ ни говорилъ, словъ его не послушаютъ, а если станетъ кричать, то заткнутъ ротъ тряпкой, и будетъ ли онъ самъ передвигать ногами, его отведутъ и повѣсятъ; и станетъ ли онъ сопротивляться, барахтаться, ляжетъ на земь—его осилятъ, поднимутъ, свяжутъ и связаннаго поднесутъ къ висѣлицѣ. И то, что эту машинную работу надъ нимъ исполнятъ люди такіе же, какъ и онъ, придаетъ имъ новый, необыкновенный и зловѣщій видъ: не то призраковъ, чего-то притворяющагося, явившагося только нарочно, не то механическихъ куколъ на пружинѣ: берутъ, хватаютъ, ведутъ, вѣшаютъ, дергаютъ за ноги. Обрѣзаютъ веревку, кладутъ, везутъ, закапываютъ.

И съ перваго же дня тюрьмы люди и жизнь превратились для него въ непостижимо ужасный міръ призраковъ и механическихъ куколъ. Почти обезумѣвъ отъ ужаса, онъ старался представить, что люди имѣютъ языкъ и говорятъ, и не могъ—казались нѣмыми; старался вспомнить ихъ рѣчь, смыслъ словъ, которыя они употребляютъ при сношеніяхъ—и не могъ. Рты раскрываются, что-то звучитъ, потомъ они расходятся, передвигая ноги, и нѣтъ ничего.

Такъ чувствовалъ бы себя человѣкъ, если бы ночью, когда онъ въ домѣ одинъ, всѣ вещи ожили, задвига-

лись и пріобрѣли надъ нимъ, человѣкомъ, неограниченную власть. Вдругъ стали бы его судить: шкафъ, стулъ, письменный столъ и диванъ. Онъ бы кричалъ и метался, умолялъ, звалъ на помощь, а они что-то говорили бы по своему между собою, потомъ повели его вѣшать: шкафъ, стулъ, письменный столъ и диванъ. И смотрѣли бы на это остальныя вещи.

И все стало казаться игрушечнымъ Василію Каширину, присужденному къ смертной казни черезъ повѣшеніе: его камера, дверь съ глазкомъ, звонъ заведенныхъ часовъ, аккуратно вылѣпленная крѣпость, и особенно та механическая кукла съ ружьемъ, которая стучитъ ногами по корридору, и тѣ другія, которыя, пугая, заглядываютъ къ нему въ окошечко и молча подаютъ ѣду. И то, что онъ испытывалъ, не было ужасомъ передъ смертью; скорѣе смерти онъ даже хотѣлъ: во всей извѣчной загадочности и непонятности своей она была доступнѣе разуму, чѣмъ этотъ такъ дико и фантастично превратившійся міръ. Болѣе того, смерть какъ бы уничтожалась совершенно въ этомъ безумномъ мірѣ призраковъ и куколъ, теряла свой великій и загадочный смыслъ, становилась также чѣмъ-то механическимъ, и только поэтому страшнымъ. Берутъ, хватаютъ, ведутъ, вѣшаютъ, дергаютъ за ноги. Обрѣзаютъ веревку, кладутъ, везутъ, закапываютъ.

Исчезъ изъ міра человѣкъ.

На судѣ близость товарищей привела Каширина въ себя, и онъ снова, на мгновеніе, увидѣлъ людей сидятъ и судятъ его и что-то говорятъ на человѣческомъ языкѣ, слушаютъ и какъ будто понимаютъ. Но уже на свиданіи съ матерью онъ, съ ужасомъ человѣка, который начинаетъ сходить съ ума и понимаетъ это, почувствовалъ ярко, что эта старая женщина въ черномъ платочкѣ—просто искусно сдѣланная механическая кукла, въ родѣ тѣхъ, которыя говорятъ: «па-па», «ма-ма», но только лучше сдѣланная. Старался говорить съ нею, а самъ, вздрагивая, думалъ:

— Господи! Да вѣдь это же кукла. Кукла матери.

А вотъ та кукла солдата, а тамъ дома кукла отца, а вотъ это—кукла Василія Каширина.

Казалось, еще немного, и онъ услышитъ гдѣ-то трескъ механизма, поскрипываніе несмазанныхъ колесъ. Когда мать заплакала, на одинъ мигъ снова мелькнуло что-то человѣческое, но при первыхъ же ея словахъ исчезло, и стало любопытно и ужасно смотрѣть, что изъ глазъ куклы течетъ вода.

Потомъ, въ своей камерѣ, когда ужасъ сталъ невыносимъ, Василій Каширинъ попробовалъ молиться. Отъ всего того, чѣмъ подъ видомъ религіи была окружена его юношеская жизнь въ отцовскомъ купеческомъ домѣ, остался одинъ противный, горькій и раздражающій осадокъ, и вѣры не было. Но когда-то, быть можетъ, въ раннемъ еще дѣтствѣ онъ услыхалъ три слова, и онѣ поразили его трепетнымъ волненіемъ и потомъ на всю жизнь остались обвѣянными тихой поэзіей. Эти слова были:

— Всѣхъ скорбящихъ радость.

Случалось, въ тяжелыя минуты онъ шепнетъ про себя, безъ молитвы, безъ опредѣленнаго сознанія: «всѣхъ скорбящихъ радость»—и вдругъ станетъ легче и захочется пойти къ кому-то милому и жаловаться тихо:

— Наша жизнь... да развѣ это жизнь! Эхъ, милая вы моя, да развѣ это жизнь.

А потомъ вдругъ и смѣшно станетъ, и захочется кучерявить волосы, выкинуть колѣно, подставить грудь подъ чьи-то удары: на, бей!

Никому, даже самымъ близкимъ товарищамъ онъ не говорилъ о своей «всѣхъ скорбящихъ радости» и даже самъ какъ будто не зналъ о ней—такъ глубоко крылась она въ душѣ его. И вспоминалъ не часто, съ осторожностью.

И теперь, когда ужасъ неразрѣшимой, во-очію представшей тайны съ головою покрылъ его, какъ вода въ половодье прибрежную лозиночку—онъ захотѣлъ молиться. Хотѣлъ стать на колѣни, но стыдно

сдѣлалось передъ солдатомъ и, сложивъ руки у груди, тихо прошепталъ:

— Всѣхъ скорбящихъ радость!

И съ тоскою, выговаривая умильно, повторилъ:

— Всѣхъ скорбящихъ радость, прійди ко мнѣ, поддержи Ваську Каширина.

Давно еще, когда онъ былъ на первомъ курсѣ университета и покучивалъ еще, до знакомства съ Вернеромъ и вступленія въ общество, онъ называлъ себя хвастливо и жалко «Васькой Каширинымъ» — теперь почему-то захотѣлось назваться также. Но мертво и неотзывчиво прозвучали слова

— Всѣхъ скорбящихъ радость!

Всколыхнулось что-то. Будто проплылъ въ отдаленіи чей-то тихій и скорбный образъ и тихо погасъ, не озаривъ предсмертной тьмы. Били заведенные часы на колокольнѣ. Застучалъ чѣмъ-то, шашкой, не то ружьемъ, солдатъ въ корридорѣ и продолжительно, съ переходами, зѣвнулъ.

— Всѣхъ скорбящихъ радость! И ты молчишь! И ты ничего не хочешь сказать Васькѣ Каширину?

Улыбался умильно и ждалъ. Но было пусто и въ душѣ, и вокругъ. И не возвращался тихій и скорбный образъ. Вспоминались ненужно и мучительно восковыя горящія свѣчи, попъ въ рясѣ, нарисованная на стѣнѣ икона, и какъ отецъ, сгибаясь и разгибаясь, молится и кладетъ поклоны, а самъ смотритъ исподлобья, молится ли Васька, не занялся ли баловствомъ. И стало еще страшнѣе, чѣмъ до молитвы.

Исчезло все.

Безуміе тяжко наползало. Сознаніе погасало, какъ потухающій разбросанный костеръ, холодѣло, какъ трупъ только что скончавшагося человѣка, у котораго тепло еще въ сердцѣ, а ноги и руки уже окоченѣли. Еще разъ, кроваво вспыхнувъ, сказала угасающая мысль, что онъ, Василій Каширинъ, можетъ здѣсь сойти съ ума, испытать муки, для которыхъ нѣтъ названія, дойти до такого предѣла боли и страданій, до

какихъ не доходило еще ни одно живое существо; что онъ можетъ биться головою о стѣну, выколоть себѣ пальцемъ глаза, говорить и кричать, что ему угодно, увѣрять со слезами, что больше выносить онъ не можетъ—и ничего. Будетъ ничего.

И ничего наступило. Ноги, у которыхъ свое сознаніе и своя жизнь, продолжали ходить и носить дрожащее мокрое тѣло. Руки, у которыхъ свое сознаніе, тщетно пытались запахнуть расходящійся на груди халатъ и согрѣть дрожащее, мокрое тѣло. Тѣло дрожало и зябло. Глаза смотрѣли. И это былъ почти что покой.

Но былъ еще одинъ моментъ дикаго ужаса. Это, когда вошли люди. Онъ даже не подумалъ, что это значитъ—пора ѣхать на казнь, а просто увидѣлъ людей и испугался, почти по-дѣтски.

— Я не буду! Я не буду!—шепталъ онъ неслышно помертвѣвшими губами и тихо отодвигался вглубь камеры, какъ въ дѣтствѣ, когда поднималъ руку отецъ.

— Надо ѣхать.

Говорятъ, ходятъ вокругъ, что-то подаютъ. Закрылъ глаза, покачался—и тяжело началъ собираться. Должно быть сознаніе стало возвращаться: вдругъ попросилъ у чиновника папиросу. И тотъ любезно раскрылъ серебряный съ декадентскимъ рисункомъ портсигаръ.

10. Стѣны падаютъ.

Неизвѣстный, по прозвищу Вернеръ, былъ человѣкъ, уставшій отъ жизни и отъ борьбы. Было время, когда онъ очень сильно любилъ жизнь, наслаждался театромъ, литературой, общеніемъ съ людьми; ода-

ренный прекрасной памятью и твердой волей, изучилъ въ совершенствѣ нѣсколько европейскихъ языковъ, могъ свободно выдавать себя за нѣмца, француза или англичанина. По-нѣмецки онъ говорилъ обычно съ баварскимъ акцентомъ, но могъ, при желаніи говорить, какъ настоящій прирожденный берлинецъ. Любилъ хорошо одѣваться, имѣлъ прекрасныя манеры и одинъ изъ всей своей братіи безъ риска быть узнаннымъ, смѣлъ появляться на великосвѣтскихъ балахъ.

Но уже давно, невидимо для товарищей, въ душѣ его зрѣло темное презрѣніе къ людямъ: и отчаяніе тамъ было и тяжелая, почти смертельная, усталость. По природѣ своей скорѣе математикъ, чѣмъ поэтъ, онъ не зналъ до сихъ поръ вдохновенія и экстаза, и минутами чувствовалъ себя, какъ безумецъ, который ищетъ квадратуру круга въ лужахъ человѣческой крови. Тотъ врагъ, съ которымъ онъ ежедневно боролся, не могъ внушить ему уваженія къ себѣ; это была частая сѣть глупости, предательства и лжи, грязныхъ плевковъ, гнусныхъ обмановъ. Послѣднее, что навсегда, казалось, уничтожило въ немъ желаніе жить—было убійство провокатора, совершенное имъ по порученію организаціи. Убилъ спокойно, а когда увидѣлъ это мертвое, лживое, но теперь спокойное и все же жалкое человѣческое лицо—вдругъ пересталъ уважать себя и свое дѣло. Не то, чтобы почувствовалъ раскаяніе, а просто вдругъ пересталъ цѣнить себя, сталъ для себя самого неинтереснымъ, неважнымъ, скучно постороннимъ. Но изъ организаціи, какъ человѣкъ единой, нерасщепленной воли, не ушелъ и внѣшне остался тотъ же—только въ глазахъ залегло что-то холодное и жуткое. И никому ничего не сказалъ.

Обладалъ онъ и еще однимъ рѣдкимъ свойствомъ: какъ есть люди, которые никогда не знали головной боли, такъ онъ не зналъ, что такое страхъ. И когда другіе боялись, относился къ этому безъ осужденія, но и безъ особеннаго сочувствія, какъ къ довольно

распространенной болѣзни, которою самъ, однако ни разу не хворалъ. Товарищей своихъ, особенно Васю Каширина, онъ жалѣлъ; но это была холодная, почти оффиціальная жалость, которой не чужды были, вѣроятно и нѣкоторые изъ судей.

Вернеръ понималъ, что казнь не есть просто смерть, а что-то другое, — но во всякомъ случаѣ рѣшилъ встрѣтить ее спокойно, какъ нѣчто постороннее; жить до конца такъ, какъ будто ничего не произошло и не произойдетъ. Только этимъ онъ могъ выразить высшее презрѣніе къ казни и сохранить послѣднюю, неотторжимую свободу духа. И на судѣ — и этому, пожалуй, не повѣрили бы даже товарищи, хорошо знавшіе его холодное безстрашіе и надменность — онъ думалъ не о смерти и не о жизни: онъ сосредоточенно, съ глубочайшей и спокойной внимательностью, разыгрывалъ трудную шахматную партію. Превосходный игрокъ въ шахматы онъ съ перваго дня заключенія началъ эту партію и продолжалъ безостановочно. И приговоръ, присуждавшій его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, не сдвинулъ ни одной фигуры на невидимой доскѣ.

Даже то, что партіи кончить ему, видимо, не иридется, не остановило его; и утро послѣдняго дня, который оставался ему на землѣ, онъ началъ съ того, что исправилъ одинъ вчерашній не совсѣмъ удачный ходъ. Сжавъ опущенныя руки между колѣнъ, онъ долго сидѣлъ въ ненодвижности; потомъ всталъ и началъ ходить, размышляя. Походка у него была особенная: онъ нѣсколько клонилъ впередъ верхнюю часть туловища и крѣпко и четко билъ землю каблуками—даже на сухой землѣ его шаги оставляли глубокій и примѣтный слѣдъ. Тихо, однимъ дыханіемъ, онъ насвистывалъ несложную итальянскую арійку— это помогало думать.

Но дѣло въ этотъ разъ шло почему-то плохо. Съ непріятнымъ чувствомъ, что онъ совершилъ какую-то крупную, даже грубую ошибку, онъ нѣсколько разъ

возвращался назадъ и провѣрялъ игру почти съ начала. Ошибки не находилось, но и чувство совершенной ошибки не только не уходило, а становилось все сильнѣе и досаднѣе. И вдругъ явилась неожиданная и обидная мысль: не въ томъ ли ошибка, что игрою въ шахматы онъ хочетъ отвлечь свое вниманіе отъ казни и оградиться отъ того страха смерти, который будто бы неизбѣженъ для осужденнаго?

— Нѣтъ, зачѣмъ же!—отвѣтилъ онъ холодно и спокойно закрылъ невидимую доску. И съ той же сосредоточенной внимательностью, съ какою игралъ, будто отвѣчая на строгомъ экзаменѣ, постарался дать отчетъ въ ужасѣ и безвыходности своего положенія: осмотрѣвъ камеру, стараясь не пропустить ничего, сосчиталъ часы, что остаются до казни, нарисовалъ себѣ приблизительную и довольно точную картину самой казни и пожалъ плечами.

— Ну?—отвѣтилъ онъ кому-то полувопросомъ.— Вотъ и все. Гдѣ же страхъ?

Страха дѣйствительно не было. И не только не было страха, но наростало что-то, какъ бы противоположное ему — чувство смутной, но огромной и смѣлой радости. И ошибка, все еще не найденная, уже не вызывала ни досады, ни раздраженія, а также говорила громко о чемъ-то хорошемъ и неожиданномъ, словно_счелъ онъ умершимъ близкаго дорогого друга, а другъ этотъ оказался живъ и невредимъ и смѣется.

Вернеръ снова пожалъ плечами и попробовалъ свой пульсъ: сердце билось учащенно, но крѣпко и ровно, съ особенной звонкой силой. Еще разъ внимательно, какъ новичекъ, впервые попавшій въ тюрьму, оглядѣлъ стѣны, запоры, привинченный къ полу стулъ и подумалъ:

— Отчего мнѣ такъ легко, радостно и свободно? Именно свободно. Подумаю о завтрашней казни—и какъ будто ея нѣтъ. Посмотрю на стѣны—какъ будто нѣтъ и стѣнъ И такъ свободно, словно я не въ тюрьмѣ, а только что вышелъ изъ какой-то тюрьмы, въ которой сидѣлъ всю жизнь. Что это?

Начинали дрожать руки—невиданное для Вернера явленіе. Все яростнѣе билась мысль. Словно огненные языки вспыхивали въ головѣ—наружу хотѣлъ пробиться огонь и освѣтить широко еще ночную, еще темную даль. И вотъ пробился онъ наружу и засіяла широко озаренная даль.

Исчезла мутная усталость, томившая Вернера два послѣдніе года, и отпала отъ сердца мертвая, холодная, тяжелая змѣя съ закрытыми глазами и мертвенно сомкнутымъ ртомъ—передъ лицомъ смерти возвращалась, играя, прекрасная юность. И это было больше, чѣмъ прекрасная юность. Съ тѣмъ удивительнымъ просвѣтлѣніемъ духа, которое въ рѣдкія минуты осѣняетъ человѣка и поднимаетъ его на высочайшія вершины созерцанія, Вернеръ вдругъ увидѣлъ и жизнь и смерть, и поразился великолѣпіемъ невиданнаго зрѣлища. Словно шелъ по узкому, какъ лезвіе ножа высочайшему горному хребту, и на одну сторону видѣлъ жизнь, а на другую видѣлъ смерть, какъ два сверкающихъ, глубокихъ, прекрасныхъ моря, сливающихся на горизонтѣ въ одинъ безграничный широкій просторъ.

— Что это! Какое божественное зрѣлище!—медленно сказалъ онъ, привставая невольно и выпрямляясь, какъ въ присутствіи высшаго существа. И уничтожая стѣны, пространство и время стремительностью всепроникающаго взора, онъ широко взглянулъ куда-то въ глубь покидаемой жизни.

И новою предстала жизнь. Онъ не пытался, какъ прежде, запечатлѣть словами увидѣнное, да и не было такихъ словъ, на все еще бѣдномъ, все еще скудномъ человѣческомъ языкѣ. То маленькое, грязное и злое, что будило въ немъ презрѣніе къ людямъ и порою вызывало даже отвращеніе къ виду человѣческаго лица, исчезло совершенно: такъ для человѣка, поднявшагося на воздушномъ шарѣ, исчезаютъ соръ и грязь тѣсныхъ улицъ покинутаго городка, и красотою становится безобразное.

Безсознательнымъ движеніемъ Вернеръ шагнулъ къ столу и оперся на него правой рукой. Гордый и властный отъ природы, никогда еще не принималъ онъ такой гордой, свободной и властной позы, не поворачивалъ шеи такъ, не глядѣлъ такъ,—ибо никогда еще не былъ свободенъ и властенъ, какъ здѣсь, въ тюрьмѣ, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ казни и смерти.

И новыми предстали люди, по новому милыми и прелестными показались они его просвѣтленному взору. Паря надъ временемъ, онъ увидѣлъ ясно, какъ молодо человѣчество, еще вчера только звѣремъ завывавшее въ лѣсахъ, и то, что казалось ужаснымъ въ людяхъ, непростительнымъ и гадкимъ, вдругъ стало милымъ,—какъ мило въ ребенкѣ его неумѣніе ходить походкою взрослаго, его безсвязный лепетъ, блистающій искрами геніальности, его смѣшные промахи, ошибки и жестокіе ушибы.

— Милые вы мои!—вдругъ неожиданно улыбнулся Вернеръ и сразу потерялъ всю внушительность своей позы, снова сталъ арестантомъ, которому и тѣсно, и неудобно взаперти, и скучно немного отъ надоѣвшаго пытливаго глаза, торчащаго въ плоскости двери. И странно: почти внезапно онъ позабылъ то, что увидѣлъ только что такъ выпукло и ясно; и еще страннѣе,—даже и вспомнить не пытался. Просто сѣлъ поудобнѣе, безъ обычной сухости въ положеніи тѣла, и съ чужой, не вернеровской, слабой и нѣжной улыбкой оглядѣлъ стѣны и рѣшетки. Произошло еще новое, чего никогда не бывало съ Вернеромъ: вдругъ заплакалъ.

— Милые товарищи мои!—шепталъ онъ и плакалъ горько.—Милые товарищи мои!

Какими тайными путями пришелъ онъ отъ чувства гордой и безграничной свободы къ этой нѣжной и страстной жалости? Онъ не зналъ и не думалъ объ этомъ. И жалѣлъ ли онъ ихъ, своихъ милыхъ товарищей, или что-то другое, еще болѣе высокое и страстное таили въ себѣ его слезы—не знало и этого

его вдругъ воскресшее, зазеленѣвшее сердце. Плакалъ и шепталъ:

— Милые товарищи мои! Милые вы, товарищи мои!

Въ этомъ горько плачущемъ и сквозь слезы улыбающемся человѣкѣ никто не призналъ бы холоднаго и надменнаго, усталаго и дерзкаго Вернера—ни судьи, ни товарищи, ни онъ самъ.

II. Ихъ везутъ.

Передъ тѣмъ, какъ разсаживать осужденныхъ по каретамъ, ихъ всѣхъ пятерыхъ собрали въ большой холодной комнатѣ со сводчатымъ потолкомъ, похожей на канцелярію, гдѣ больше не работаютъ, или на пустую пріемную. И позволили разговаривать между собою.

Но только Таня Ковальчукъ сразу воспользовалась позволеніемъ. Остальные молча и крѣпко пожали руки, холодныя, какъ ледъ, и горячія, какъ огонь,—и молча, стараясь не глядѣть другъ на друга, столпились неловкой, разсѣянной кучкой. Теперь, когда они были вмѣстѣ, они какъ бы совѣстились того, что каждый изъ нихъ испыталъ въ одиночествѣ; и глядѣть боялись, чтобы не увидѣть и не показать того новаго, особеннаго, немножко стыднаго, что каждый чувствовалъ или подозрѣвалъ за собою.

Но разъ, другой взглянули, улыбнулись, и сразу почувствовали себя непринужденно и просто, какъ прежде: никакой перемѣны не произошло, а если и произошло что-то, то такъ ровно легло на всѣхъ, что для каждаго въ отдѣльности стало незамѣтно. Всѣ говорили и двигались странно: порывисто, толчками, или слишкомъ медленно, или же слишкомъ быстро; иногда захлебывались словами и многократно повто-

ряли ихъ, иногда же не договаривали начатой фразы или считали ее сказанной — не замѣчали этого. Всѣ щурились и съ любопытствомъ, не узнавая, разсматривали обыкновенныя вещи, какъ люди, которые ходили въ очкахъ, и вдругъ сняли ихъ; и всѣ часто и рѣзко оборачивались назадъ, точно все время изъ-за спины ихъ кто-то окликалъ и что-то показывалъ. Но не замѣчали они и этого. У Муси и Тани Ковальчукъ щеки и уши горѣли; Сергѣй вначалѣ былъ нѣсколько блѣденъ, но скоро оправился и сталъ такой, какъ всегда.

И только на Василія обратили вниманіе. Даже среди нихъ онъ былъ необыкновененъ и страшенъ. Вернеръ всколыхнулся и тихо сказалъ Мусѣ съ нѣжнымъ безпокойствомъ:

— Что это, Мусечка? Неужели онъ того, а? Что? Надо къ нему.

Василій откуда-то издали, точно не узнавая, посмотрѣлъ на Вернера и опустилъ глаза.

— Вася, что это у тебя съ волосами, а? Да ты что? Ничего, братъ, ничего, сейчасъ кончится. Надо держаться, надо, надо.

Василій молчалъ. И когда начало уже казаться, что онъ и совсѣмъ ничего не скажетъ, пришелъ глухой, запоздалый, страшно далекій отвѣтъ: такъ на многіе зовы могла бы отвѣтить могила:

— Да я ничего. Я держусь.

И повторилъ:

— Я держусь.

Вернеръ обрадовался.

— Вотъ, вотъ. Молодецъ. Такъ, такъ.

Но встрѣтилъ темный, отяжелѣвшій, изъ глубочайшей дали устремленный взоръ и подумалъ съ мгновенною тоскою: откуда онъ смотритъ? Откуда онъ говоритъ? И съ глубокой нѣжностью, какъ говорятъ только въ могилѣ, сказалъ:

— Вася, ты слышишь? Я очень люблю тебя.

— И я тебя очень люблю,—отвѣтилъ, тяжело ворочаясь, языкъ.

Вдругъ Муся взяла Вернера за руку и, выражая удивленіе, усиленно, какъ актриса на сценѣ, сказала:

— Вернеръ, что съ тобою? Ты сказалъ: люблю? Ты никогда никому не говорилъ: люблю. И отчего ты весь такой... свѣтлый и мягкій? А, что?

— А, что?

И какъ актеръ, также усиленно выражая то, что онъ чувствовалъ, Вернеръ крѣпко сжалъ Мусину руку.

— Да, я теперь очень люблю. Не говори другимъ, не надо, совѣстно, но я очень люблю.

Встрѣтились ихъ взоры, и вспыхнули ярко, и все погасло кругомъ: такъ въ мгновенномъ блескѣ молніи гаснутъ всѣ иные огни и бросаетъ на землю тѣнь само желтое, тяжелое пламя.

— Да,—сказала Муся.—Да, Вернеръ.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Да, Муся, да!

Было понято нѣчто и утверждено ими непоколебимо. И, свѣтясь взорами, Вернеръ всколыхнулся снова и быстро шагнулъ къ Сергѣю.

— Сережа!

Но отвѣтила Таня Ковальчукъ. Въ восторгѣ, почти плача отъ материнской гордости, она неистово дергала Сергѣя за рукавъ.

— Вернеръ, ты послушай! Я тутъ о немъ плачу, я убиваюсь, а онъ—гимнастикой занимается!

— По Мюллеру?—улыбнулся Вернеръ.

Сергѣй сконфуженно нахмурился:

— Ты напрасно смѣешься, Вернеръ. Я окончательно убѣдился...

Всѣ разсмѣялись. Въ общеніи другъ съ другомъ черпая крѣпость и силу, постепенно становились они такими, какъ прежде, но не замѣчали и этого, думали, что все одни и тѣ же. Вдругъ Вернеръ оборвалъ смѣхъ и съ чрезвычайною серьезностью сказалъ Сергѣю:

— Ты правъ, Сережа. Ты совершенно правъ.

— Нѣтъ, ты пойми,—обрадовался Головинъ.—Конечно, мы...

Но тутъ предложили ѣхать. И были такъ любезны,

что разрѣшили разсѣсться парами, какъ хотятъ. И вообще были очень, даже до чрезмѣрности любезны: не то старались высказать свое человѣческое отношеніе, не то показать, что ихъ тутъ совсѣмъ нѣтъ, а все дѣлается само собою. Но были блѣдны.

— Ты, Муся, съ нимъ,—показалъ Вернеръ на Василія, стоявшаго неподвижно.

— Понимаю,—кивнула Муся головою.—А ты?

— Я? Таня съ Сергѣемъ, ты съ Васей... Я одинъ. Это ничего, я вѣдь могу, ты знаешь.

Когда вышли во дворъ, влажная темнота мягко, но тепло и сильно ударила въ лицо, въ глаза, захватила дыханіе, вдругъ очищающе и нѣжно пронизала все вздрогнувшее тѣло. Трудно было повѣрить, что это удивительное—просто вѣтеръ весенній, теплый, влажный вѣтеръ. И настоящая удивительная весенняя ночь запахла тающимъ снѣгомъ,—безграничною ширью, зазвенѣла капелями. Хлопотливо и часто, догоняя другъ друга, падали быстрыя капельки и дружно чеканили звонкую пѣсню; но вдругъ собьется одна съ голоса и все запутается въ веселомъ плескѣ въ торопливой неразберихѣ. А потомъ ударитъ твердо большая, строгая капля и снова четко и звонко чеканится торопливая весенняя пѣсня. И надъ городомъ поверхъ крѣпостныхъ крышъ, стояло блѣдное зарево отъ электрическихъ огней.

— У-ахъ!—широко вздохнулъ Сергѣй Головинъ и задержалъ дыханіе, точно жалѣя выпускать изъ легкихъ такой свѣжій и прекрасный воздухъ.

— Давно такая погода?—освѣдомился Вернеръ.—Совсѣмъ весна.

— Второй только день,—былъ предупредительный и вѣжливый отвѣтъ.—А то все больше морозы.

Одна за другою мягко подкатывали темныя кареты, забирали по двое, уходили въ темноту, туда, гдѣ качался подъ воротами фонарь. Сѣрыми силуэтами окружали каждый экипажъ конвойные, и подковы ихъ лошадей чекали звонко, или хлябали по мокрому снѣгу.

Когда Вернеръ, согнувшись, намѣревался лѣзть въ карету, жандармъ сказалъ неопредѣленно:

— Тутъ съ вами еще одинъ ѣдетъ.

Вернеръ удивился:

— Куда? Куда же онъ ѣдетъ? Ахъ, да! Еще одинъ? Кто же это?

Солдатъ молчалъ. Дѣйствительно, въ углу кареты, въ темнотѣ, прижималось что-то маленькое, неподвижное, но живое—при косомъ лучѣ отъ фонаря блеснулъ открытый глазъ. Усаживаясь, Вернеръ толкнулъ ногою его колѣно.

— Извините, товарищъ.

Тотъ не отвѣтилъ. И только, когда тронулась карета, вдругъ спросилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, запинаясь:

— Кто вы?

— Я Вернеръ, присужденъ къ повѣшенію за покушеніе на NN. А вы?

— Я—Янсонъ. Меня не надо вѣшать.

Они ѣхали, чтобы черезъ два часа встать передъ лицомъ неразгаданной великой тайны, изъ жизни уйти въ смерть—и знакомились. Въ двухъ плоскостяхъ одновременно шли жизнь и смерть, и до конца, до самыхъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ мелочей, оставалась жизнію жизнь.

— А что вы сдѣлали, Янсонъ?

— Я хозяина рѣзалъ ножомъ. Деньги кралъ.

По голосу казалось, что Янсонъ засыпаетъ. Въ темнотѣ Вернеръ нашелъ его вялую руку и пожалъ. Янсонъ такъ же вяло отобралъ руку.

— Тебѣ страшно?—спросилъ Вернеръ.

— Я не хочу.

Они замолчали. Вернеръ снова нашелъ руку эстонца и крѣпко зажалъ ее между своими сухими и горячими ладонями. Лежала она неподвижно, дощечкой, но отобрать ее Янсонъ больше не пытался.

Въ каретѣ было тѣсно и душно, пахло солдатскимъ сукномъ, затхлостью, навозомъ и кожей отъ мокрыхъ

сапогъ. Молоденькій жандармъ, сидѣвшій противъ Вернера, горячо дышалъ на него смѣшаннымъ запахомъ луку и дешеваго табаку. Но въ какія-то щели пробивался острый и свѣжій воздухъ, и отъ этого, въ маленькомъ, душномъ, движущемся ящикѣ весна чувствовалась еще сильнѣе, чѣмъ снаружи. Карета заворачивала то направо, то налѣво, то какъ будто возвращалась назадъ; казалось иногда, что уже цѣлые часы они кружатся зачѣмъ-то на одномъ мѣстѣ. Въ началѣ сквозь опущенныя густыя занавѣски въ окнахъ пробивался голубоватый электрическій свѣтъ; потомъ вдругъ, послѣ одного поворота потемнѣло, и только по-этому, можно было догадаться, что они свернули на глухія окраинныя улицы и приближаются къ С—скому вокзалу. Иногда при крутыхъ заворотахъ живое, согнутое колѣно Вернера дружески билось о такое же живое согнутое колѣно жандарма, и трудно было повѣрить въ казнь.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ вдругъ Янсонъ. У него слегка кружилась голова отъ продолжительнаго верченія въ темномъ ящикѣ и слегка тошнило.

Вернеръ отвѣтилъ и крѣпче сжалъ руку эстонца. Хотѣлось сказать что-то особенно дружеское, ласковое этому маленькому сонному человѣку, и уже любилъ онъ его такъ, какъ никого въ жизни.

— Милый! Тебѣ, кажется, неудобно сидѣть. Подвигайся, сюда, ко мнѣ.

Янсонъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Ну, спасибо. Мнѣ хорошо. А тебя тоже будутъ вѣшать?

— Тоже!—неожиданно весело, почти со смѣхомъ отвѣтилъ Вернеръ и какъ-то особенно развязно и легко махнулъ рукою. Точно рѣчь шла о какой-то нелѣпой и вздорной шуткѣ, которую хотятъ продѣлать надъ ними милые, но страшно смѣшливые люди.

— Жена есть?—спросилъ Янсонъ.

— Нѣту. Какая тамъ жена! Я одинъ.

— Я тоже одинъ. Одна,—поправился Янсонъ, подумавъ.

И у Вернера начинала кружиться голова. И казалось минутами, что они ѣдутъ на какой-то праздникъ; странно, но почти всѣ, ѣхавшіе на казнь, ощущали то же и, наряду съ тоскою и ужасомъ, радовались смутно тому необыкновенному, что сейчасъ произойдетъ. Упивалась дѣйствительность безуміемъ и призраки родила смерть, сочетавшаяся съ жизнью. Очень возможно, что на домахъ развѣвались флаги.

— Вотъ и пріѣхали!—сказалъ Вернеръ любопытно и весело, когда карета остановилась, и выпрыгнулъ легко. Но съ Янсономъ дѣло затянулось: молча и какъ-то очень вяло онъ упирался и не хотѣлъ выходить. Схватится за ручку—жандармъ разожметъ безсильные пальцы и отдеретъ руку; схватится за уголъ, за дверь, за высокое колесо—и тотчасъ же, при слабомъ усиліи со стороны жандарма, отпустить. Даже не хватался, а скорѣе сонно прилипалъ ко всякому предмету молчаливый Янсонъ—и отдирался легко и безъ усилій. Наконецъ, всталъ.

Флаговъ не было. По ночному былъ теменъ, пустъ и безжизненъ вокзалъ; пассажирскіе поѣзда уже не ходили, а для того поѣзда, который на пути безмолвно ожидалъ этихъ пассажировъ, не нужно было ни яркихъ огней, ни суеты. И вдругъ Вернеру стало скучно. Не страшно, не тоскливо,—а скучно огромной, тягучей, томительной скукой, отъ которой хочется куда-то уйти, лечь, закрыть крѣпко глаза. Вернеръ потянулся и продолжительно зѣвнулъ. Потянулся и быстро, нѣсколько разъ подъ-рядъ зѣвнулъ и Янсонъ.

— Хоть бы поскорѣе!—сказалъ Вернеръ устало. Янсонъ молчалъ и ежился.

Когда на безлюдной платформѣ, оцѣпленной солдатами, осужденные двигались къ тускло освѣщеннымъ вагонамъ, Вернеръ очутился возлѣ Сергѣя Головина, и тотъ, показавъ куда-то въ сторону рукою, началъ говорить, и было ясно слышно только слово «фонарь», а окончаніе утонуло въ продолжительной и усталой зѣвотѣ.

— Ты что говоришь?—спросилъ Вернеръ, отвѣчая также зѣвотой.

— Фонарь. Лампа въ фонарѣ коптитъ,—сказалъ Сергѣй. Вернеръ оглянулся: дѣйствительно, въ фонарѣ сильно коптила лампа и уже почернѣли вверху стекла.

— Да, коптитъ.

И вдругъ подумалъ: а какое, впрочемъ, мнѣ дѣло, что лампа коптитъ, когда... То же, очевидно, подумалъ и Сергѣй: быстро взглянулъ на Вернера и отвернулся. Но зѣвать они оба перестали.

Всѣ до вагоновъ шли сами, и только Янсона пришлось вести подъ руки: сперва онъ упирался ногами и точно приклеивалъ подошвы къ доскамъ платформы, потомъ подогнулъ колѣна и повисъ въ рукахъ жандармовъ, ноги его волоклись, какъ у сильно пьянаго, и носки скребли дерево. И въ дверь его пропихивали долго, но молча.

Двигался самъ и Василій Каширинъ, смутно копируя движенія товарищей—все дѣлалъ, какъ они. Но всходя на площадку въ вагонѣ, онъ оступился и жандармъ взялъ его за локоть, чтобы поддержать,— Василій затрясся и крикнулъ пронзительно, отдергивая руку:

— Ай!

— Вася, что съ тобою?—рванулся къ нему Вернеръ. Василій молчалъ и трясся тяжело. Смущенный и даже огорченный жандармъ объяснилъ:

— Я хотѣлъ ихъ поддержать, а они...

— Пойдемъ, Вася, я поддержу тебя,—сказалъ Вернеръ и хотѣлъ взять его за руку. Но Василій отдернулъ руку опять и еще громче крикнулъ:

— Ай!

— Вася, это я, Вернеръ.

— Я знаю. Не трогай меня. Я самъ.

И, продолжая трястись, самъ вошелъ въ вагонъ и сѣлъ въ углу. Наклонившись къ Мусѣ, Вернеръ тихо спросилъ ее, указывая глазами на Василія:

— Ну какъ?

— Плохо,—также тихо отвѣтила Муся.—Онъ уже умеръ. Вернеръ, скажи мнѣ, развѣ есть смерть?

— Не знаю, Муся, но думаю, что нѣтъ,—отвѣтилъ Вернеръ серьезно и вдумчиво.

— Я такъ и думала. А онъ? Я измучилась съ нимъ въ каретѣ, я точно съ мертвецомъ ѣхала.

— Не знаю, Муся. Можетъ быть, для нѣкоторыхъ смерть и есть. Пока, а потомъ совсѣмъ не будетъ. Вотъ и для меня смерть была, а теперь ея нѣтъ.

Поблѣднѣвшія нѣсколько щеки Муси вспыхнули:

— Была, Вернеръ? Была?

— Была. Теперь нѣтъ. Какъ для тебя.

Въ дверяхъ вагона послышался шумъ. Громко стуча каблуками, громко дыша и отплевываясь, вошелъ Мишка Цыганокъ. Метнулъ глазами и остановился упрямо:

— Тутъ мѣстовъ нѣту, жандармъ?—крикнулъ онъ утомленному, сердито глядѣвшему жандарму.—Ты мнѣ давай такъ, чтобы свободно, а то не поѣду, вѣшай тутъ, на фонарѣ. Карету тоже дали, сукины дѣти—развѣ это карета! Чертова требуха, а не карета!

Но вдругъ наклонилъ голову, вытянулъ шею, и такъ пошелъ впередъ, къ другимъ. Изъ растрепанной рамки волосъ и бороды черные глаза его глядѣли дико и остро, съ нѣсколько безумнымъ выраженіемъ.

— А! Господа!—протянулъ онъ.—Вотъ оно что. Здравствуй, баринъ.

Онъ ткнулъ Вернеру руку и сѣлъ противъ него. И наклонившись близко, подмигнулъ однимъ глазомъ и быстро провелъ рукою по шеѣ.

— Тоже? А?

— Тоже!—улыбнулся Вернеръ.

— Да неужто всѣхъ?

— Всѣхъ.

— Ого!—оскалился Цыганокъ и быстро ощупалъ глазами всѣхъ, на мгновеніе дольше остановился на Мусѣ и Янсонѣ. И снова подмигнулъ Вернеру.

— Министра?

— Министра. А ты?

Я, баринъ по другому дѣлу: Куда намъ до министра! Я, баринъ, разбойникъ, вотъ я кто. Душегубъ. Ничего, баринъ, потѣснись, не своей волей въ кампанію затесался. На томъ свѣтѣ всѣмъ мѣста хватитъ.

Онъ дико, изъ-подъ взлохматившихся волосъ, обвелъ всѣхъ однимъ стремительнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ. Но всѣ смотрѣли на него молча и серьезно и даже съ видимымъ участіемъ. Оскалился и быстро нѣсколько разъ похлопалъ Вернера по колѣнкѣ.

— Такъ-то, баринъ! Какъ въ пѣснѣ поется: не шуми ты, мать, зеленая дубравушка.

— Зачѣмъ ты зовешь меня бариномъ, когда мы всѣ...

— Вѣрно,—съ удовольствіемъ согласился Цыганокъ. Какой ты баринъ, когда рядомъ со мной висѣть будешь! Вотъ онъ кто баринъ-то,—ткнулъ онъ пальцемъ на молчаливаго жандарма.—Э, а вотъ энтотъ-то вашъ того, не хуже нашего,—указалъ онъ глазами на Василія.—Баринъ, а баринъ, боишься, а?

— Ничего, отвѣтилъ туго ворочающійся языкъ.

— Ну ужъ какой тамъ ничего. Да ты не стыдись, тутъ стыдиться нечего. Это собака только хвостомъ виляетъ, да зубы скалитъ, какъ ее вѣшать ведутъ, а ты вѣдь человѣкъ. А этотъ кто, лопоухій? Этотъ не изъ вашихъ?

Онъ быстро перескакивалъ глазами и непрестанно съ шипѣніемъ сплевывалъ набѣгающую, сладкую слюну. Янсонъ, неподвижнымъ комочкомъ прижавшійся въ углу, слегка шевельнулъ крыльями своей облѣзлой мѣховой шапки, но ничего не отвѣтилъ. Отвѣтилъ за него Вернеръ.

— Хозяина зарѣзалъ.

— Господи!—удивился Цыганокъ: и какъ такимъ позволяютъ людей рѣзать!

Уже давно, искоса, Цыганокъ приглядывался къ Мусѣ; и теперь, быстро повернувшись, рѣзко и прямо уставился на нее.

— Барышня, а барышня! Вы что же это! И щечки розовенькія и смѣется. Гляди, она вправду смѣется— схватилъ онъ Вернера за колѣно цѣпкими, точно желѣзными пальцами.—Гляди, гляди!

Покраснѣвъ, съ нѣсколько смущенной улыбкой, Муся также прямо смотрѣла въ его острые, нѣсколько безумные, тяжело и дико вопрошающіе глаза.

Всѣ молчали.

Дробно и дѣловито постукивали колеса, маленькіе вагончики попрыгивали по узенькимъ рельсамъ и старательно бѣжали. Вотъ на закругленіи или у переѣзда жидко и старательно засвистѣлъ паровозикъ—машинистъ боялся кого-нибудь задавить. И дико было подумать, что въ повѣшеніе людей вносится такъ много обычной человѣческой аккуратности, старанія, дѣловитости, что самое безумное на землѣ дѣло совершается съ такимъ простымъ и разумнымъ видомъ. Бѣжали вагоны, въ нихъ сидѣли люди, какъ всегда сидятъ, и ѣхали, какъ они обычно ѣздятъ; а потомъ будетъ остановка, какъ всегда—«поѣздъ стоитъ пять минутъ».

И тутъ наступитъ смерть—вѣчность—великая тайна.

12. Ихъ привезли.

Старательно бѣжали вагончики.

Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Сергѣй Головинъ жилъ съ родными на дачѣ по этой самой дорогѣ, часто ѣздилъ днемъ и ночью, и зналъ ее хорошо. И если закрыть глаза, то можно было подумать, что и теперь онъ возвращается домой—запоздалъ въ городѣ у знакомыхъ и возвращается съ послѣднимъ поѣздомъ.

— Теперь скоро,—сказалъ онъ, открывъ глаза и взглянувъ въ темное, забранное рѣшеткой, ничего не говорящее окно.

Никто не пошевельнулся, не отвѣтилъ, и только Цыганокъ быстро, разъ за разомъ, сплюнулъ сладкую слюну. И началъ бѣгать глазами по вагону, ощупывать окна, двери, солдатъ.

— Холодно,—сказалъ Василій Каширинъ тугими, точно и вправду замерзшими губами; и вышло у него это слово такъ: хо-а-дна.

Таня Ковальчукъ засуетилась.

— На платокъ, повяжи шею. Платокъ очень теплый.

— Шею?—неожиданно спросиль Сергѣй и испугался вопроса. Но такъ какъ и всѣ подумали то же, то никто его не слыхалъ,—какъ будто никто ничего не сказалъ или всѣ сразу сказали одно и то же слово.

— Ничего, Вася, повяжи, повяжи, теплѣе будетъ,— посовѣтовалъ Вернеръ. Потомъ обернулся къ Янсону и нѣжно спросилъ:

— Милый, а тебѣ не холодно, а?

— Вернеръ, можетъ быть, онъ хочетъ курить. Товарищъ, вы, быть можетъ, хотите курить?—спросила Муся.—У насъ есть.

— Хочу.

— Дай ему папироску, Сережа—обрадовался Вернеръ. Но Сергѣй ужъ доставалъ папиросу. И всѣ съ любовью смотрѣли, какъ пальцы Янсона брали папиросу, какъ горѣла спичка и изо рта Янсона вышелъ синій дымокъ.

— Ну, спасибо—сказалъ Янсонъ.—Хорошо.

— Какъ странно!—сказалъ Сергѣй.

— Что странно?—обернулся Вернеръ.--Что странно?

— Да вотъ: папироса.

Онъ держалъ папиросу, обыкновенную папиросу, между обыкновенныхъ живыхъ пальцевъ и блѣдный съ удивленіемъ, даже какъ будто съ ужасомъ смотрѣлъ на нее. И всѣ уставились глазами на тоненькую трубочку, изъ конца которой крутящейся голубой ленточкой бѣжалъ дымокъ, относимый въ сторону дыханіемъ, и темнѣлъ, набираясь, пепелъ. Потухла.

— Потухла,—сказала Таня.

— Да, потухла.

— Ну и къ чорту!—сказалъ Вернеръ, нахмурившись, и съ безпокойствомъ глядя на Янсона, у котораго рука съ папиросой висѣла, какъ мертвая. Вдругъ Цыганокъ быстро повернулся, близко, лицомъ къ лицу, наклонился къ Вернеру и, выворачивая бѣлки, какъ лошадь, прошепталъ:

— Баринъ, а что если бы конвойныхъ, того... а? Попробовать?

— Не надо, — также шепотомъ отвѣтилъ Вернеръ.—Выпей до конца.

— А для ча? Въ дракѣ-то оно все веселѣе, а? Я ему, онъ мнѣ, и самъ не замѣтилъ, какъ порѣшили. Будто и не помиралъ.

— Нѣтъ, не надо,—сказалъ Вернеръ и обернулся къ Янсону:—милый, отчего не куришь?

Вдругъ дряблое лицо Янсона жалко сморщилось: словно кто-то дернулъ сразу за ниточку, приводящую въ движеніе морщины, и всѣ онѣ перекосились. И, какъ сквозь сонъ, Янсонъ захныкалъ, безъ слезъ, сухимъ, почти притворнымъ голосомъ:

— Я не хочу курить. Аг-ха! Аг-ха. Аг-ха. Меня не надо вѣшать. Аг-ха, аг-ха, аг-ха.

Около него засуетились. Таня Ковальчукъ, обильно плача, гладила его по рукаву и поправляя свисавшія крылья облѣзлой шапки:

— Родненькій ты мой! Миленькій, да не плачь, да родненькій же ты мой! Да несчастненькій же ты мой!

Муся смотрѣла въ сторону. Цыганокъ поймалъ ея взглядъ и оскалился.

— Чудакъ его благородіе! Чай пьетъ, а пузо холодное,—сказалъ онъ съ короткимъ смѣшкомъ. Но у самого лицо стало изсиня-черное, какъ чугунъ, и ляскали большіе желтые зубы.

Вдругъ вагончики дрогнули и явственно замедлили ходъ. Всѣ, кромѣ Янсона и Каширина, привстали и такъ же быстро сѣли опять.

— Станція!—сказалъ Сергѣй.

Какъ будто сразу изъ вагона выкачали весь воздухъ: такъ трудно стало дышать. Выросшее сердце распирало грудь, становилось поперекъ горла, металось безумно—кричало въ ужасѣ своимъ кроваво-полнымъ голосомъ. А глаза смотрѣли внизъ на подрагивающій полъ, а уши слушали, какъ все медленнѣе вертѣлись колеса—скользили—опять вертѣлись—и вдругъ стали.

Поѣздъ остановился.

Тутъ наступилъ сонъ. Не то, чтобы было очень страшно, а призрачно, безпамятно и какъ-то чуждо; самъ грезящій оставался въ сторонѣ, а только призракъ его безтѣлесно двигался, говорилъ беззвучно, шагалъ безшумно, страдалъ безъ страданія. Во снѣ выходили изъ вагона, разбивались на пары, нюхали особенно свѣжій, лѣсной, весенній воздухъ. Во снѣ тупо и безсильно сопротивлялся Янсонъ и, молча, выволакивали его изъ вагона.

Спустились со ступенекъ.

— Развѣ пѣшкомъ?—спросилъ кто-то, почти весело.

— Тутъ недалеко,—отвѣтилъ другой кто-то, такъ же весело.

Потомъ большой, черной, молчаливой толпою шли среди лѣса по плохо укатанной, мокрой и мягкой, весенней дорогѣ. Изъ лѣса, отъ снѣга перло свѣжимъ, крѣпкимъ воздухомъ; нога скользила, иногда проваливалась въ снѣгъ и руки невольно хватались за товарища; и громко дыша, трудно, по цѣльному снѣгу двигались по бокамъ конвойные. Чей-то голосъ сердито сказалъ:

— Дороги не могли прочистить. Кувыркайся тутъ въ снѣгу.

Кто-то виновато оправдывался:

— Чистили, ваше благородіе. Ростепель только, ничего не подѣлаешь.

Сознаніе возвращалось, но неполно, отрывками, странными кусочками. То вдругъ мысль дѣловито подтверждала:

— Дѣйствительно, не могли дороги прочистить.

То снова угасало все и оставалось одно только обоняніе: нестерпимо яркій запахъ воздуха, лѣса, тающаго снѣга; то необыкновенно ясно становилось все: и лѣсъ, и ночь, и дорога, и то, что ихъ сейчасъ, сію минуту, повѣсятъ. Обрывками мелькалъ сдержанный шепотомъ разговоръ.

— Скоро четыре.

— Говорилъ: рано выѣзжаемъ.

Свѣтаетъ въ пять.

- Ну да, въ пять. Вотъ и нужно было...

Въ темнотѣ, на полянкѣ, остановились. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, за рѣдкими, прозрачными по зимнему деревьями, молчаливо двигались два фонарика: тамъ стояли висѣлицы.

— Калошу потерялъ,—сказалъ Сергѣй Головинъ.

— Ну?—не понялъ Вернеръ.

— Калошу потерялъ. Холодно.

— А гдѣ Василій?

— Не знаю. Вонъ стоитъ.

Темный и неподвижный стоялъ Василій.

— А гдѣ Муся?

— Я здѣсь. Это ты, Вернеръ?

Начали оглядываться, избѣгая смотрѣть въ ту сторону, гдѣ молчаливо и страшно-понятно продолжали двигаться фонарики. Налѣво обнаженный лѣсъ какъ будто рѣдѣлъ, проглядывало что-то большое, бѣлое, плоское. И оттуда шелъ влажный вѣтеръ.

— Море,—сказалъ Сергѣй Головинъ, внюхиваясь и ловя ртомъ воздухъ.—Тамъ море.

Муся звучно отозвалась:

— Мою любовь, широкую, какъ море!

— Ты что, Муся?

— Мою любовь, широкую, какъ море, вмѣстить не могутъ жизни берега.

— Мою любовь, широкую, какъ море,—подчиняясь звуку голоса и словамъ, повторилъ задумчиво Сергѣй.

— Мою любовь, широкую, какъ море...—повто-

рилъ Вернеръ и вдругъ весело удивился: Муська! какъ ты еще молода!

Вдругъ близко, у самаго уха Вернера, послышался горячій, задыхающійся шепотъ Цыганка:

— Баринъ, а баринъ. Лѣсъ-то, а? Господи, что же это! А тамъ это, что, гдѣ фонарики, вѣшалка, что ли? Что же это, а?

Вернеръ взглянулъ: Цыганокъ маялся предсмертнымъ томленіемъ.

— Надо проститься...—сказала Таня Ковальчукъ.

— Погоди, еще приговоръ будутъ читать,—отвѣтилъ Вернеръ.—А гдѣ Янсонъ?

Янсонъ лежалъ на снѣгу и возлѣ него съ чѣмъ-то возились. Вдругъ остро запахло нашатырнымъ спиртомъ:

— Ну что тамъ, докторъ? Вы скоро?—спросилъ кто-то нетерпѣливо.

— Ничего, простой обморокъ. Потрите ему уши снѣгомъ. Онъ уже отходитъ, можно читать.

Свѣтъ потайного фонарика упалъ на бумагу и бѣлыя безъ перчатокъ руки. И то и другое немного дрожало; дрожалъ и голосъ:

— Господа, можетъ быть, приговора не читать, вѣдь вы его знаете? Какъ вы?

— Не читать,—за всѣхъ отвѣтилъ Вернеръ и фонарикъ быстро погасъ.

Отъ священника также всѣ отказались. И темный широкій силуэтъ молча и быстро отодвинулся въ глубь и исчезъ. Повидимому разсвѣтъ наступалъ: снѣгъ побѣлѣлъ, потемнѣли фигуры людей, и лѣсъ сталъ рѣже, печальнѣе и проще.

— Господа, идти надо по-двое. Въ пары становитесь, какъ хотите, но только прошу поторопиться.

Вернеръ указалъ на Янсона, который уже стоялъ на ногахъ, поддерживаемый двумя жандармами:

— Я съ нимъ. А ты, Сережа, бери Василія. Идите впередъ.

— Хорошо.

— Мы съ тобою, Мусечка?—спросила Ковальчукъ.— Ну, поцѣлуемся.

Быстро перецѣловались. Цыганокъ цѣловалъ крѣпко, такъ что чувствовались зубы; Янсонъ мягко и вяло, полураскрытымъ ртомъ,—впрочемъ, онъ, кажется, и не понималъ, что дѣлаетъ. Когда Сергѣй Головинъ и Каширинъ уже отошли на нѣсколько шаговъ, Каширинъ вдругъ остановился и сказалъ громко и отчетливо, но совершенно чужимъ, незнакомымъ голосомъ:

— Прощайте, товарищи!

— Прощай, товарищъ—крикнули ему.

Ушли. Стало тихо. Фонарики за деревьями остановились неподвижно. Ждали вскрика, голоса, какого-нибудь шума,—но было тихо тамъ, какъ и здѣсь, и неподвижно желтѣли фонарики.

— Ахъ, Боже мой! — дико прохрипѣлъ кто-то. Оглянулись: это въ предсмертномъ томленіи маялся Цыганокъ.—Вѣшаютъ!

Отвернулись, и снова стало тихо. Цыганокъ маялся, хватая руками воздухъ:

— Какъ же это такъ! Господа, а? Мнѣ-то одному, что ль? Въ компаніи-то оно веселѣе. Господа! Что же это?

Схватилъ Вернера за руку сжимающими и распадающимися, точно играющими пальцами:

— Баринъ, милый, хоть ты со мной, а? Сдѣлай милость, не откажи!

Вернеръ, страдая, отвѣтилъ:

— Не могу, милый. Я съ нимъ.

— Ахъ ты, Боже мой! Одному, значитъ. Какъ же это? Господи!

Муся шагнула впередъ и тихо сказала:

— Пойдемте со мной.

Цыганокъ отшатнулся и дико выворотилъ на нее бѣлки:

— Съ тобою?

— Да.

— Ишь ты. Маленькая какая! А не боишься? А то ужъ я одинъ лучше. Чего тамъ!

— Нѣтъ, не боюсь.

Цыганокъ оскалился.

— Ишь ты! А я вѣдь разбойникъ. Не брезгуешь? А то лучше не надо. Я сердиться на тебя не буду.

Муся молчала и въ слабомъ озареніи разсвѣта лицо ея казалось блѣднымъ и загадочнымъ. Потомъ вдругъ, быстро подошла къ Цыганку и, закинувъ руки ему за шею, крѣпко поцѣловала его въ губы. Онъ взялъ ее пальцами за плечи, отодвинулъ отъ себя, потрясъ—и громко, чмокая, поцѣловалъ въ губы, въ носъ, въ глаза.

— Идемъ!

Вдругъ ближайшій солдатъ какъ-то покачнулся и разжалъ руки, выпустивъ ружье. Но не наклонился, чтобы поднять его, а постоялъ мгновеніе неподвижно, повернулся круто и, какъ слѣпой, зашагалъ въ лѣсъ по цѣльному снѣгу.

— Куда ты? — испуганно шепнулъ другой. — Стой!

Но тотъ все также молча и трудно лѣзъ по глубокому снѣгу; должно быть наткнулся на что-нибудь, взмахнулъ руками и упалъ лицомъ внизъ. Такъ и остался лежать.

— Ружье подыми, кислая шерсть! А то я подыму!— грозно сказалъ Цыганокъ.—Службы не знаешь!

Вновь хлопотливо забѣгали фонарики. Наступала очередь Вернера и Янсона.

— Прощай, баринъ!—громко сказалъ Цыганокъ.— На томъ свѣтѣ знакомы будемъ, увидишь когда, не отворачивайся. Да водицы когда испить принеси — жарко мнѣ тамъ будетъ.

— Прощай.

— Я не хочу—сказалъ Янсонъ вяло. Но Вернеръ взялъ его за руку и нѣсколько шаговъ эстонецъ прошелъ самъ; потомъ видно было—онъ остановился и упалъ на снѣгъ. Надъ нимъ нагнулись, подняли его и понесли, а онъ слабо барахтался въ несущихъ его

рукахъ. Отчего онъ не кричалъ? Вѣроятно забылъ, что у него есть голосъ.

И вновь неподвижно остановились желтѣющіе фонарики.

— А я, значитъ, Мусечка, одна—печально сказала Таня Ковальчукъ.—Вмѣстѣ жили, и вотъ...

— Танечка, милая...

Но горячо вступился Цыганокъ. Держа Мусю за руку, словно боясь, что еще могутъ отнять, онъ заговорилъ быстро и дѣловито:

— Ахъ, барышня! Тебѣ одной можно, ты чистая душа, ты куда хочешь, одна можешь. Поняла? А я нѣтъ. Яко разбойника...—понимаешь?— Невозможно мнѣ одному. Ты куда, скажутъ, лѣзешь, душегубъ? Я вѣдь и коней воровалъ, ей-Богу! А съ нею я какъ... какъ со младенцемъ, понимаешь. Не поняла?

— Поняла. Что же, идите. Дай, я тебя еще поцѣлую, Мусечка.

— Поцѣлуйтесь, поцѣлуйтесь,—поощрительно сказалъ женщинамъ Цыганокъ.—Дѣло ваше такое, нужно проститься хорошо.

Двинулись Муся и Цыганокъ. Женщина шла осторожно, оскользаясь и, по привычкѣ, поддерживая юбки; и крѣпко, подъ руку, остерегая и нащупывая ногою дорогу, велъ ее къ смерти мужчина.

Огни остановились. Тихо и пусто было вокругъ Тани Ковальчукъ. Молчали солдаты, всѣ сѣрые въ безцвѣтномъ и тихомъ свѣтѣ начинающагося дня.

— Одна я—вдругъ заговорила Таня и вздохнула.— Умеръ Сережа, умеръ и Вернеръ, и Вася. Одна я. Солдатики, а солдатики, одна я. Одна...

Надъ моремъ всходило солнце.

Складывали въ ящикъ трупы. Потомъ повезли. Съ вытянутыми шеями, съ безумно вытаращенными глазами, съ опухшимъ синимъ языкомъ, который какъ невѣдомый ужасный цвѣтокъ, высовывался среди губъ, орошенныхъ кровавой пѣной — плыли трупы назадъ, по той же дорогѣ, по которой сами, живые,

пришли сюда. И такъ же былъ мягокъ и пахучъ весенній снѣгъ, и такъ же свѣжъ и крѣпокъ весенній воздухъ. И чернѣла въ снѣгу потерянная Сергѣемъ, мокрая, стоптанная калоша.

Такъ люди привѣтствовали восходящее солнце.

Ц. 50 К.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL H
00006094843